

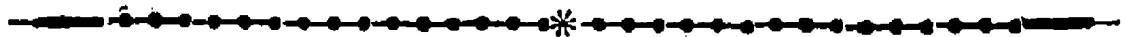
ЛѢТОПИСЬ

СИБИРСКАЯ.

Аще намъ всемогій въ Троицы славимый Богъ по-
можеть , то и по смерти нашей память наша
не оскудѣеть въ шѣхъ спранахъ , и слава наша
будеть вѣчна.

*Слова , произнесенныя козаками , по взятіи
городка Атика мурзы.*

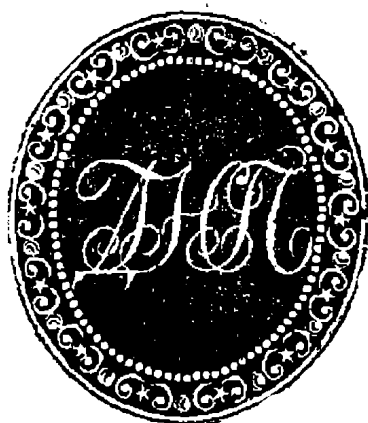
Л Ъ Т О П И С Ъ
С И Б И Р С К А Я ,

С О Д Е Р Ж А Щ А Я

повѣствованіе о взятіи Сибирскія
земли Русскими , при Царѣ Іоаннѣ
Васильевичѣ Грозномъ ; съ крашкимъ
изложеніемъ предшествовавшихъ оно-
му событій.

И З Д А Н А

С Ъ Р У К О П И С И Х V I I В Ъ К А .

С А Н К Т П Е Т Е Р Б У Р Г Ъ ,

В Ъ Т И П О Г Р А Ф И И Д Е Л А Р Т А М Е Н Т А Н А Р О Д Н А Г О
П Р О С В Ъ Щ Е Н І Я .

1 8 2 1 .

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЕНО

съ шѣмъ , чшобы по напечатаніи , до выпуска изъ типографіи, представлены были въ С. Петербургскій Цензурный Комитетъ семь экземпляровъ сей книги, для препровожденія куда слѣдуетъ на основаніи узаконеній. С. П. Б. Генваря 31 дня, 1821 года.

Цензоръ Ст. Сов. и Кав. И. Тимковскій.

ЕРМАКЪ ТИМОФЬЕВИЧЪ

ЗАВОЕВАТЕЛЬ СИБИРИ

въ его настоящемъ Русскомъ вооруженіи, слѣдую
рисункамъ Сибирской лѣпописи по списку Ремезова.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Кто читалъ Сибирскую Исторію, тому известно о существованіи Сибирскихъ лѣтописей. Сколь ни важны для насъ сіи драгоценные памятники, свидѣтельствующіе о знаменитыхъ подвигахъ нашихъ соотечественниковъ, чрезъ кои содѣлались мы обладателями обширной Сибири; но къ сожалѣнію, ни одной Сибирской лѣтописи донынѣ въ свѣтъ не издано и нѣкоторыя изъ нихъ могутъ быть безвозвратно уже потеряны.

Древнѣйшею Сибирскою лѣтописью обязаны мы Тобольскому Архіепископу *Кипріяну*, который для составленія оной собралъ въ 7130 (1622) году описавшихся еще тогда въ живыхъ Ермаковыхъ поварищей, многія изустныя свѣденія. По повелѣнію сего же Паспыря внесены въ Синодикъ для всегдашняго поминовенія храбрые завоеватели Сибири, убіенные Татарами.

Послѣ Кипріяна слѣдуетъ дѣписатель *Савва Осиповъ*, Дьякъ Сибирскаго Миспрополита. Въ находящейся у меня Сибирской лѣтописи, писанной въ новѣйшее уже время и доведенной до 1759 года, упоминается о немъ съ великою похвалою; самъ же Осиповъ о трудѣ своемъ изъясняется слѣдующими словами: «Содѣявшаяся во дни и роды наши и о прочихъ вещахъ кѣждо изложилъ по словамъ, да не прудомъ вся обрящутся. О царствѣ же Сибирскомъ и о княженіяхъ написахъ отъ лѣтописца Ташарскаго, достовѣрно испыпахъ, еже добрѣ и нѣсколько повѣдаша ми явѣ. Слагаль сей лѣтописецъ въ лѣто 7145 (1637) Сентября въ первый день.» Преданія, сохраненныя Кипріяномъ, служили основаніемъ для лѣтописца Осипова.

Извѣстна еще лѣтопись, называемая Тобольскою, писанная Ремезовыми, жившими между 1650 и 1700 годами. Върояно тѣ же Ремезовы сочинили чертежъ всей Сибири и описаніе обитающихъ тамъ народовъ, отправленные изъ Тобольска въ Москву Сентября 18 дня 7206 (1698) года съ Сибирскимъ сыномъ-боярскимъ *Аванасьемъ Даниловымъ*, Старшій изъ Ремезовыхъ,

по имени *Семенъ Емельяновъ*, имѣлъ званіе сына – боярскаго, а прочіе, *Леонтій, Семенъ* и *Иванъ* были его дѣти. Тобольская лѣтопись довольно проспранна; и кромѣ древнихъ и новѣйшихъ въ Сибири произшесствій, повѣспвуетъ о нравахъ и образѣ жизни коренныхъ тамошнихъ обитателей; но обезображена пустыми вымыслами и многими погрѣшностями въ самомъ описаніи произшесствій: однако же Миллеръ заимспвовалъ свѣденія для своей Исторіи Сибирской наиболѣе изъ сей лѣтописи.

Сверхъ того у нѣкоторыхъ охотниковъ до собиранія древностей хранились, а можеть быть и нынѣ есть, такъ называемыя проспныя лѣтописи, повѣспвованія и другіе различные маперіалы для полной Сибирской Исторіи, болѣе или менѣе уважипельные,

Всѣ сіи лѣтописи и повѣспвованія въ главныхъ предметахъ большею часпїю между собою еходны; но въ часпныхъ случаяхъ и во времени иногда очень много разнятся. Желапельно, чшобы онѣ были собраны, разсмотрѣны, и въ одной лѣтописи, признанной лучшею, означены были всѣ опмѣны, прибавленія и поясненія.

По случаю досталась мнѣ рукопись XVII вѣка на 57 страницъ въ четвертку, писанная красивою скорописью съ киноварными оглавленіями, и заключающая въ себѣ повѣствованіе о взятіи Сибирскія земли апаманами и козаками Ермакомъ Тимоѳеевымъ съ поварищи, съ показаніемъ предшествовавшихъ оному случаевъ и бывшихъ отъ того послѣдствій. Сія рукопись оплачивается отъ другихъ подобныхъ, какъ краткимъ изложеніемъ, такъ и достоверностию свѣденій. Она можетъ служить къ исправленію Хронологическихъ погрѣшностей, допущенныхъ въ Сибирскую Исторію Миллеромъ и Фишеромъ. Достоинство сей рукописи признано и знаменитымъ нашимъ Исторіографомъ Н. М. Карамзинымъ, употребившимъ ее для 9 тома своей Исторіи Государства Россійскаго.

Его Сіятельство Графъ Николай Пепровичъ Румянцовъ, котораго имя украшаетъ многіе пруды, предпріятыя для славы и для блага нашего отечества, и съ признательностию произносимо будетъ благодарнымъ попомощвомъ, удостоилъ также вниманія и сію любопытную рукопись и доставилъ мнѣ щедротами своими возможность издашь ее въ свѣтъ.

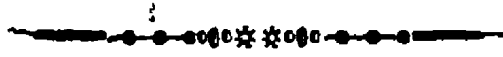
При напечатаніи оной я почель нужнымъ:
 1) назвать ее ЛѢтописью Сибирскою, ꙗко велику она расположена обыкновеннымъ порядкомъ лѢтописей, и къ выпавленнымъ въ ней годамъ отъ сотворенія мѣра присовокупить годы отъ Рождества Христова; 2) исправить недоспашокъ правописанія въ подлинникѣ и другія очевидныя писцовы ошибки; 3) переимѣнить знаки препинанія, изъ коихъ въ рукописи находящяся однѣ только точки, поставленныя большею частію не на своемъ мѣстѣ; 4) снабдить ее нѣкоторыми Историческими примѣчаніями и поясненіями. Кромѣ же сихъ необходимыхъ опспупленій, я не сдѣлалъ никакой переимѣны, и сія печатная лѢтопись имѣетъ совершенное сходство съ своимъ подлинникомъ.

Г. Спасскій.

‡ Января 1821 года.

ЛѢТОПИСЬ СИБИРСКАЯ.

*О взятїи Сибирскїя земли: како благо-
гестивому Государю Царю и Вели-
кому Князю Ивану Васильевичу всея
Русїи, подарова Богъ Сибирское
государство обладати ему Государю
и побѣдити Муртазелїева сына
Кузума Салтана Сибирскаго, и сына
его Царевича Маметкула взяти жива;
и како просвѣти Богъ Сибирскую
землю святѣмъ крещенїемъ и святѣ-
ми Божїими церквами и утверди въ
ней святительскїй престолъ Архи-
епискупїю.*

Вниде въ слухъ благочеспивому Госу-
дарю, Царю и Великому Князю Ивану
Васильевичу всеа Русїи о часныхъ при-
ходѣхъ Бусурменскихъ, войною на его
Государскую землю Пермьскую ошъ

Сибирскихъ людей , и како безбожни своимъ приходомъ , его Государевымъ Пермскія земли городомъ , и посадомъ и селамъ многое плѣненіе и запустѣніе учиниша. И вложи Богъ благочестивому Государю Царю во умъ , разспросиши своего Государства вѣдущихъ людей про ту страну , и повелѣ Государь предъ собою поставиши Якова и Григорья Спрогановыхъ и разспроси ихъ , како бы оберегати Пермская земля ошъ нашесшвія Сибирскихъ людей и Кучуму бы Салпану чѣмъ шѣснопа ему учиниши. Они же ему Государю все подробну рассказаше , и слово ихъ ему Государю бысть пріятно , и ихъ пожаловаль , велѣль даши имъ на волю , какъ бы имъ ошъ Сибирскихъ людей Пермской землѣ обереганіе учиниши и о шомъ имъ велѣль о всемъ свои Государевы грамошы подавати , о промыслу надъ Сибирскими людьми и иныхъ ордъ земель.

О поставленіи Канкора городка на Пыскорскомъ мысу, идѣже бѣ монастырь всемилостиваго Спаса, зовомый Пыскорѣ.

Въ лѣто 3335. (1558) году Апріля въ 4 (4) день, благочестивый Государь Царь и Великій Князь Иванъ Васильевичъ всеа Русіи пожаловалъ Григорья Аникіева сына Спроганова, ниже великія Перьми за восьмдесять и восемь верстъ, въ низъ по Камѣ рѣкѣ, по правую сторону съ усть Лысвы рѣчки, а по лѣвую сторону въ низъ Пызновской курьи, по обѣ стороны по Камѣ до Чусовья рѣки, мѣста пущыя; и въ пѣхъ мѣстѣхъ, гдѣ изберешъ Григорій Спрогановъ мѣсто крѣпко и успорожливо, и городокъ ему поставиши, и крѣпости учиниши, и пушкарей, и зашнициковъ, и пищальниковъ и ворошниковъ велѣли есмя ему успроиши собою, для береженья Сибирскихъ, и Нагайскихъ и иныхъ ордь людей; и ему Григорью, къ себѣ вольно назы-

ваши неспяглыхъ и неписьмянныхъ на
пѣ мѣста людей, и на Канкорь го-
родокъ. Грамоша Государева дана за
приписью Дьяка Петра Данилова; при-
казали: Окольничей Ѳедоръ Ивановичъ
Умной, да Алексѣй Ѳедоровичъ Ада-
шевъ, да Казначей Ѳедоръ Ивановичъ
Сукинъ, да Хозяинъ Юрьевичъ Тюшинъ;
а приказъ подписалъ Дьякъ Третьякъ
Карачаровъ.

*О поставленіи другаго городка на
Орловскомъ на волокъ, зовомый Кер-
геданъ, а нынѣ зовется Орловъ.*

Въ лѣто 356 (1564) мѣсяца Генваря
въ 6 (2) день, Государь Царь и Великій
Князь Иванъ Васильевичъ всеа Русіи
пожаловалъ Григорья же Аникіева сына
Спроганова жаловальною грамошою,
въ пѣхъ же мѣстѣхъ, что прежь сего
его пожаловалъ, что онъ избралъ ни-
же прежняго Канкора городка двадцашъ

вершъ , мѣсто на Орловскомъ на волокъ , и ему Григорью собою же поспавиши сѣны сажень по придцати , а съ присшупную спорону для низи великимъ мѣсто каменемъ заклаши ; а пищальники и шорожи , въ шомъ городкѣ , ему собою же успавиши , и держаша въ шѣхъ въ обоихъ городкѣхъ нарядъ скорострѣльной : пушечки , и пищали , и зашинные , и ручницы подѣлаши записнымъ масперомъ , копорыхъ къ себѣ Григорій приговорить изъ наймовъ , и у себя Григорью шомъ нарядъ держаша . И грамота Государева на шомъ городокъ дана . Припись у грамоты большая Государева Дьяка Юрья Башанина : Царь и Великій Князь Иванъ Васильевичъ всей Русіи ; въ другомъ мѣстѣ припись Сени Непейна : по приказу Государя Царя и Великаго Князя Ивана Васильевича всея Русіи ; въ прешьемъ мѣстѣ припись Козмы Романцова : приказалъ Царевымъ и Великаго Князя словомъ ; Казначей Никиша Аѳанасьевичъ Оуниковъ , по

памяти съ приписью Дьяка Ивана Булгакова.

О поставленіи Чусовскихъ городковъ.

Въ лѣшо *308 (1568) году Марша въ кѣ (25) день, Государь Царь и Великій Князь Иванъ Васильевичъ всеа Русіи пожаловалъ Якова Аникіева сына Спроганова жаловальною грамошою, ошъ усшь рѣки Чусовыя въ верьхъ, по обѣ спороны и до вершины, земли и рѣчки до вершинъ; и въ шѣхъ мѣспѣхъ, ошъ Камы по Чусовой въ верьхъ восмьдесять верспъ, на правой и лѣвой споронѣ посшавишь городки для крѣпосши и обереганья Сибирскихъ, и Нагайскихъ людей и иныхъ ордъ, и городской нарядъ скороспрѣльной: пушечки, и зашинныя пищали и ручныя, и всякія крѣпосши подѣлашь, и людей ему называшъ въ шѣ городки вольно: пушкаревъ, и зашинщиковъ, и пищальниковъ,

и спорожевь, и воровниковъ держани.
И грамоша Государева дана за при-
писью Дьяка Дружины Володимерова.

О поставленіи острожковъ Сылванскаго и Яйвинскаго, что поставлены на Сибирскихъ и Нагайскихъ людей пути.

Въ лѣшо 351 (1570), по повелѣнію благочестиваго Государя Царя и Великаго Князя Ивана Васильевича всеа Русіи, посшавиль Яковъ Спрогановъ, для переходу Сибирскихъ и Нагайскихъ людей, чшобы имъ къ Государевымъ Пермскимъ городомъ пуши не было, и для упѣсненія Сылвенскихъ и Иренскихъ Ташаръ, и Оспяковъ, и Чусовскихъ, и Яйвинскихъ, и Илвинскихъ и Косвинскихъ Вогуличъ, надъ Сылою и надъ Яйвою рѣками, оспрожки, и нарядъ скороспрѣльной, и пушечки, и запинные, и пищали, и ручные, и людей пушкарей, и запинщиковъ, и

пищальниковъ , и ворошниковъ [и спорожевъ] въ шѣхъ оспрожкахъ успроиль.

О убїенїи Русскихъ торговыхъ людей и ватащиковъ отъ Черемисы и Башкирцовъ.

Въ лѣто *ЗП̄ (1572) году Іюля въ ЄІ̄ (15) день, Божїимъ попущенїемъ прїиде на рѣку Каму Черемиса , и съ собою подговориша Остяковъ, и Башкирцовъ и Буинцовъ множесшво , и околь прежреченныхъ городковъ Канкора и Кергедана побѣша Русскихъ торговыхъ людей ПЗ̄ (87) человекъ ; и объ томъ благочеспивый Государь Царь и Великій Князь Иванъ Васильевичъ всеа Русїи послалъ грамоту свою Царскую, за приписью Дьяка Кирѣя Горина къ Якову да къ Григорью Спрогановымъ, а указалъ, чтобы имъ за его Государевыми измѣнники, за Черемисою, и Остяки, и за Башкирцы и за Буинцы, изъ городковъ людей своихъ собравъ

послаши. И они, Яковъ и Григорей, выбравъ въ городкѣхъ своихъ голову, и давъ ему рашныхъ людей казаковъ охочихъ и людей своихъ, за ними посылали на его Государевы измѣнники, кои ему Государю измѣнили; они же посланнїи, ихъ окаянныхъ овыхъ побивша, а иныхъ живыхъ взяша, и всѣхъ къ шерши ихъ приведоша, что имъ Государю во всемъ прямись, и быти подручными, и оброки Государю даваши, и на супрошивныхъ супоспашъ Государевыхъ стоять за него Государя безъ измѣны, и аманашовъ у нихъ поймавъ въ свои городки и въ Пермь къ Воеводамъ Государевымъ послали.

О приходѣ Сибирскаго Салтана, Кугумова сына Царевича Маметкула на Чусовую рѣку и о плѣненїи Русскихъ людей.

Въ лѣто *Зпѣ (1573) Юля въ К (20) день, на памяшь Святаго Пророка Илїи,

изъ Сибирскія земли съ Тобола рѣки, приходилъ Сибирскаго Салшана Царя Кучумова сынъ Мамешкуль, собрався съ своими мурзами и уланами рашью на Чусовую рѣку дороги провѣдываши: куда бы ему ишли рашью въ Яковлевы и въ Григорьевы Спрогановыхъ городки, и въ Пермь великую; да въ шомъ приходѣ многихъ людей, данныхъ Ошяковъ побили, а жены ихъ и дѣти въ полонъ поведи, и посланника Государева Трешьяка Чебукова и съ нимъ служилыхъ Ташаръ, кои съ нимъ шли подь Казань въ Казанскую орду, иныхъ побили, а овѣхъ въ полонъ взяша (1), а до Чусовскихъ городковъ не доходя за пашь вершъ; что ему полоненики Русскіе сказали, что въ городкахъ людемъ рашнымъ скопъ и вась-де они къ себѣ ждушъ, и онъ убояся шого назадъ ворошился; а Яковъ и Григорей за Сибирскою рашью, безъ указа Государева, своихъ наемныхъ казаковъ [изъ городковъ] послашъ не посмѣли. А прежь шого, Сибирской же Салшанъ

рашью, данныхъ Оспяковъ Чагира съ товарищи побили, а иныхъ въ полонъ взяли, копорые жили около Чусовскихъ городковъ, и объ томъ Яковъ да Григорей писали благочестивому Государю Царю и Великому Князю Ивану Васильевичу всеа Русїи къ Москвѣ, чшобы Государь ихъ пожаловаль, и велѣль за ними посылашь безпенно и обиды имъ своя мспиши. И за шо ихъ Государь, Якова и Григорья пожаловаль, велѣль даши свою Государеву грамошу, чшо имъ въ Сибирской справнѣ, за Югорскимъ каменемъ, на Тагчѣяхъ, и на Тоболѣ рѣкѣ, и на Иршишѣ, и на Оби и на иныхъ рѣкахъ, гдѣ пригодится, для береженья и охочимъ людемъ на опочивъ, крѣпоспи подѣлаши, и снарядъ огненной, и пушкарей, и пищальниковъ и сторожей опъ Сибирскихъ, и опъ Нагайскихъ людей и опъ иныхъ ордь держати, и около крѣпоспей, у рыбныхъ ловель и у пашень дворы сшавиши, по обѣ спороны Тоболы рѣки, и по рѣкамъ, и по озерамъ и до

вершинъ , и крѣпилися всякими крѣ-
 посшми накрѣпко ; а кои Остяки , и
 Вогуличи и Югричи опъ Сибирскаго
 Салшана ошстанушъ , а учнушъ быши
 подъ его Государевою рукою , а по-
 чнушъ Государю дань даваши , и шѣхъ
 людей съ данью посылаши къ Москвѣ.
 И ошдаваши дань въ Государеву казну,
 а шѣхъ данныхъ Остяковъ , и Вогуличъ
 и Югричъ , и жены ихъ и дѣти опъ
 Сибирцовъ рашныхъ приходу беречи
 Якову да Григорью , въ своихъ крѣпо-
 спѣхъ ; а на Сибирскаго Салшана Якову
 же и Григорью , собирая охочихъ и сво-
 ихъ людей и Остяковъ , и Вогуличъ , и
 Югричъ и Самоедь , съ наемными каза-
 ками , и съ нарядомъ своимъ посылаши
 воеваши , и въ полонъ Сибирцовъ имаши,
 и въ дань за Государя приводиши. А
 станушъ приходиши въ шѣ крѣпосши
 къ Якову и къ Григорью , шорговые
 люди Бухарцы , и казацкія орды и иныхъ
 земель съ какими шовары , и имъ у нихъ
 шорговаши вольно безпошлинно. И
 грамоша Государева на шѣ мѣста въ Си-

бирскую Украину, за Югорской камень на Тагчей, и на Тоболу, и на Ирпишь и по Обѣ, на крѣпостныя мѣста, дана льша *ЗПВ (1574) Маія въ 7 (30) день, за приписью Дьяка Пешра Григорьева.

О призванїи Волскихъ атамановъ и казаковъ Ермака Тимоѳеева съ товарищи, съ великія рѣки Волги въ Чусовскїе городки на спомоганїе противъ невѣрныхъ.

Въ льшо *ЗПЗ (1579) году Априля въ 5 (6) день, слышаху бо сія Семень и Максимъ и Никиша Спрогановы ошъ досповѣрныхъ людей, о буйствѣ и храбрости Поволскихъ казаковъ и атамановъ Ермака Тимоѳеева съ шоварищи, како на Волгѣ, на перевозѣхъ, Нагайцовъ побивающъ и Ардобазарцовъ грабящъ и побивающъ; и шїи людїе, слышавъ шо про ихъ буйство и храбрость, и людей своихъ съ писанїемъ и съ дары многими послаша къ нимъ,

дабы шли къ нимъ въ вопчины ихъ въ Чусовскіе городки и въ острожки, на спомоганіе имъ. И они же вельми сему возрадовашася, яко посланніи прїидоша къ нимъ опъ честныхъ людей и зваху ихъ къ себѣ на помощь; тогда атаманы и казаки, Ермакъ Тимоѳеевъ съ товарищи: Иванъ Кольцо, Яковъ Михайловъ, Никиша Панъ, Машѣй Мещерякъ, собрався со единомысленною и предоброю дружиною, число же ихъ $\overline{\Phi}$ и \overline{M} (500 и 40) человекъ, вскорѣ шествѣе учиниша къ нимъ (2).

О приходѣ Волскихъ атамановъ и казаковъ, Ермака Тимоѳеева съ товарищи, въ Чусовскіе городки.

Тогожь году Юня въ \overline{KI} (28) день, на память Святыхъ Чудотворецъ и безсребреникъ Кура и Іоанна, прїидоша съ Волги атаманы и казаки, Ермакъ Тимоѳеевъ Поволской съ товарищи, въ Чусовскіе городки; они же Семень и

Максимъ и Никиша Спрогановы прияша ихъ съ честію и даяху имъ дары многи, и брашны и пипіи изобильно ихъ наслаждаху. Ашаманыже и казаки спояху противъ безбожныхъ Агарянъ буйспвенно и единомысленно, съ живущими шу людьми въ городкѣхъ, и бїяхуся съ безбожными Агаряны сурово и немилоспиво, и швердо спояху, и на невѣрныхъ поощряхуся: пожисша же они ашаманы и казаки въ городкахъ ихъ два лѣша и мѣсяцы два (3).

О приходѣ Вогулиъ подѣ Чусовскіе городки и подѣ Сылвянской острожокѣ войною.

Въ лѣшо *Зпѣ (1581) Іюля въ КК (22) день, злокозненный же дьяволъ, иже искони не навидяй добра человѣческому роду, поощри злаго и безбожнаго Вогульского мурзу Бегбелїя Агшакова съ своимъ съ Вогульскимъ и Оспяцскимъ собраніемъ, а собранїя его хп (680)

человѣкъ , и прїидоша подѣ Чусовскїе городки и подѣ Сылванской оспрожекѣ безвѣсно , украдомѣ , и шу окрешѣ живущихъ села и деревни поплѣниша , и пожгоша , и въ полонѣ многихъ людей , мужей и женѣ и дѣшей поимаша ; но преблагїй Богъ не попусти окаянныхъ . Вскорѣ надѣ ними безбожными , Русїи вои побѣду учинили изѣ городковъ своихъ , и многихъ у городковъ поимаша , и по шѣмъ вѣспямъ на переходѣхъ многихъ побиша , а иныхъ многихъ переимаша , и мурзу ихъ Бегбелїя Агшакова взяша жива . И они безбожнїи видя свое изнеможенїе , что Богъ подалъ надѣ ними побѣду , Государю обѣ шомъ добили челомъ и вину свою принесли , что бышѣ имѣ подѣ данью Государя Царя и Великаго Князя Ивана Васильевича всеа Русїи и на Русскую землю не приходиши войною .

О посланіи Волскихъ атамановъ и казаковъ, Ермака Тимоѳеева съ товарищи и ратныхъ людей Строгановыхъ въ Сибирь, на Сибирскаго Салтана.

Въ лѣто *34̄ (1582) году Сентября въ 1̄ (1) день, на память Преподобнаго ошца нашего Семіона Столпника, послаша изъ городковъ своихъ Семень и Максимъ и Никиша Строгановы, въ Сибирь на Сибирскаго Салтана Волскихъ ашамановъ и казаковъ Ермака Тимоѳеева съ шоварищи, и съ ними собравъ изъ городковъ своихъ рашныхъ людей, Липвы, и Нѣмецъ, и Ташаръ и Русскихъ людей буйшвенныхъ и храбрыхъ предобрыхъ воиновъ пристра человѣкъ, и ихъ съ Волскими ашаманы и казаки ошпустиша вмѣстѣ за едино, и шого ихъ собранія учредиша осмь сошъ чешыредешашъ человѣкъ буйшвенныхъ и храбрыхъ; и ошпѣвше соборнѣ молебная пѣнія всемилосшивому въ Троицы славимому Богу, и Пречисшой его

Богоматери и всѣмъ небеснымъ силамъ
 и святымъ угодникамъ его, и удово-
 лиша ихъ мздою, и одѣянїи украсиша
 ихъ и оружіемъ огненнымъ: пушечки и
 скороспрѣльными пищальми семипяд-
 ными, и запасы многими, и всѣми сими
 довольно сподобиша ихъ, и вожевь вѣ-
 дущихъ той Сибирскій путь, и шолма-
 чевъ бусурменскаго язъка имъ даша, и
 оппустиша ихъ въ Сибирскую землю
 съ миромъ. Они же ашаманы и казаки
 съ приборными людьми, поидоша съ
 радоспїю въ Сибирскую землю на Си-
 бирскаго Салшана, со учрежденїемъ
 полковъ на очищенїе Сибирскїя земли,
 очистиши мѣсто и ошогнаши безбож-
 наго варвара. Ашаманы же и казаки идо-
 ша по Чусовой рѣкѣ въ верхъ до усть
 Серебряныя рѣки чешыре дни, и по
 Серебряной идоша два дни и дойде
 Сибирскїя дороги, и шу городокъ зем-
 ляной поставиша и назва его Ермаковъ
 Кокуй городокъ, и съ того мѣста пе-
 ревезеса кѣ (25) поприщъ за волокъ,
 на рѣку рекомую Жаравли, и по той

рѣцѣ поидоша въ низъ и вышедъ на Туру
рѣку : шу бѣ и Сибирская страна (4).

*О приходѣ Сибирскихъ людей Пельм-
скаго князя подѣ Пермскіе городы,
и подѣ Канкорѣ, и подѣ Кергеданѣ
и подѣ Чусовскіе городки, и подѣ
Сыльвянской и Яйвинской острожки.*

Въ та же времена девять десятыя
години и въ число днѣи, на памяшь
Преподобнаго ошца нашего Семіона
Сполчника, злочеспивый и безбожный
князь Пельмскій яроспи многи на-
полнися, но и паки звѣрощрашѣемъ
объяшь бысь, и умысли злохипрое
коварспво въ сердцы своемъ и начашъ
лешъ съ лукавспвомъ сшиваши, и
бысь ему безбожному ко своей поги-
бели; тогда онъ злочеспивый собра
воя своя, число же ихъ седмь сошъ
человѣкъ, и подозва съ собою буйспвен-
ныхъ, и храбрыхъ и сильныхъ мурзь
и улановъ Сибирскія же земли со мно-

жесшвомъ вои ; онъ же злый по неволи
 взя съ собою Сылвянскихъ, и Косвия-
 скихъ , и Иренскихъ , и Ивинскихъ и
 Обвинскихъ Тапаръ, и Оспяковъ, и Во-
 гуличъ, и Вошяковъ и Башкирцовъ мно-
 жесшво, и прїиде съ вои своими, яряся,
 на Пермьскія города на Чердынъ, и шѣ
 мѣсша поплѣниша и пожгоша, дондеже
 и къ спѣнамъ града сурово и люшо
 зѣло приближишася ко граду , едва не
 взяшу бывшу. Но всемогій Богъ не по-
 пусти окаянныхъ ; и вскорѣ ошъ шого
 мѣсша поидоша подъ Кай городокъ и
 шу велію пакость учиниша , и ошшо-
 лѣ окаяннїи прїидоша подъ Камское
 усолье , и шу села и посады пожгоша ,
 и людей поплѣниша ; и прїидоша подъ
 Канкоръ и подъ Кергеданъ городки , а
 ошшолѣ поидоша подъ Чусовскіе го-
 родки и подъ Сылвянской и Яйвинской
 оспрожки, и внезапно окаяннїи нападоша
 на Чусовскіе городки, и около шу живу-
 щихъ кресшьянъ множесшво посѣкоша
 и села ихъ и жилища пожгоша , и неми-
 лосшивно православныхъ плѣняху , и

полону многу взяшу бывшу. Волскихъ же ашамановъ и казаковъ не бѣ ту въ городкѣхъ; прежде прихода его, окаяннаго и безбожнаго Пелымскаго князя, шоя же години, послаша ихъ Семень и Максимъ и Никиша въ Сибирскую землю, на Сибирскаго Салшана, а оставшии людѣе въ городкѣхъ и въ острожкѣхъ своихъ опъ окаянныхъ и безбожныхъ Татаръ, опъ ихъ злаго пришужанія, едва смерти избыша, не силою своею, но Божіею помощію, и опшолѣ многія скорби и пришужанія прѣимаху опъ окаянныхъ. Они же Семень и Максимъ и Никиша съ мужеспвенными своими и храбрыми людѣми, призва себѣ въ помощь всемлоспиваго, въ Троицы славимаго Бога, и Пречиспую его Богомашерь, и всѣхъ угодникъ его, но и паче устремишася и мужеспвенно и единомышленно спояху въ великомъ опъ окаянныхъ пришужаніи, и бѣхуса крѣпко и мужеспвенно со окаянными, и много множество опъ обою спранъ падоша; окаяннѣи же увѣдаху, что

Руссїи вои поидоша въ ихъ Сибирскую землю войною, и того устращишася, и тако, Божіею помощію, окаяннїи варвары побѣждени быша, и полонъ Русскій у нихъ опьяшь бысть; они же безбожнїи отойдоша посрамлени, аки пси во своя мѣста. И объ шомъ Пелымскаго Князя приходъ писалъ Государю Царю и Великому Князю Ивану Васильевичу всеа Русїи изъ Чердыни Воевода Василій Пелепилицынъ, что Пермскую землю повоевали, села и погоста и посады пожгли, а Семень и Максимъ и Никиша Спрогановы, его Государевымъ городомъ не помогли, и людей отъ себя на помощь не послали, и Волскихъ ашамановъ и казаковъ Ермака Тимоѳеева съ шоварищи не оппустили къ нему на помощь. И о шомъ прислана съ Москвы Государева Царева и Великаго Князя Ивана Васильевича всеа Русїи грамота въ Чусовской городокъ, за приписью Дьяка Андрѣя Шолканова 74 (1582) году Ноября въ 5 (6) день, къ нимъ къ Семену

и Максиму и Никишѣ Строгановымъ.
 А въ Государевѣ грамотѣ пишеть :
 « Писаль къ намъ изъ Перми Василій
 Пелепелицынъ , что послали вы изъ
 оспрожковъ своихъ Волскихъ ашамановъ
 и казаковъ , Ермака съ товарищи
 воевашъ Вошяки , и Вогуличъ , и Та-
 шаръ , и Пелымскія и Сибирскія мѣста
 74 (1582) году Сентября въ 7 день ;
 а въ пошъ же день , собрався Пелымской
 Князь съ Сибирскими людьми и съ Во-
 гуличи , приходили войною на наши
 Пермьскія мѣста , и къ городку Чердыню
 и къ оспрогу присшупали , нашихъ
 людей побили и многіе убышки нашимъ
 людямъ учинили ; и то сдѣлалось ва-
 шею измѣною : вы Вогуличъ , и Вошя-
 ковъ и Пелымцовъ ошъ нашего жало-
 ванья ошвели , и ихъ задрали и войною
 на нихъ приходили ; да шѣмъ задоромъ
 съ Сибирскимъ Салпаномъ ссорили
 насъ ; а Волскихъ ашамановъ , къ себѣ
 призвавъ , воровъ наняли въ свои оспро-
 ги , безъ нашего указа ; а шѣ ашаманѣ
 съ казаки , прежь того ссорили насъ

съ Нагайскою ордою, пословъ Нагайскихъ на Волгѣ на перевозѣхъ побивали, и Ардобазарцовъ грабили и побивали, и нашимъ людямъ многіе грабежи и убышки чинились, и имъ было вины свои покрыши шѣмъ, что было нашу Пермьскую землю оберегати, и они сдѣлали съ вами вмѣстѣ по тому же, какъ на Волгѣ чинили и воровали: въ кошорой день въ Перьми къ Чердыни приходили Вогуличи, а въ шопъ же день ошъ васъ изъ оспрожковъ, Ермакъ съ шоварищи, пошли воевашъ Вогуличъ, и Остяковъ и Ташаръ, а Перми ни чѣмъ не пособили. И мы послали въ Пермь Воина Аничкова, а велѣли шѣхъ казаковъ Ермака съ шоварищи взявъ, опвесши въ Пермь и въ Усолъе Камское и шущъ имъ стояши велѣли раздѣляся; а однолично бы вамъ у себя казаковъ не держати, а буде вамъ для приходу въ острогѣхъ быши не лъзя, и вы бы у себя оставили немногихъ людей, съ которымъ ашаманомъ, человѣкъ до ста, а досшальныхъ всѣхъ выслать въ Чер-

дынь однолично пошчасъ. А не вышле-
ше изъ оспроговъ своихъ Волскихъ
казаковъ, ашамана Ермака Тимоѳеева
съ поварищи, а учнете ихъ держати
у себя, и Пермьскихъ мѣсть не учнете
оберегати, и такою вашею измѣною,
что надъ Пермьскими мѣсты учинится
опъ Вогуличъ, и опъ Пелымцовъ и
опъ Сибирскаго Салтана людей, и впе-
редь намъ въ шомъ опала на васъ своя
положиши большая; а ашамановъ и
казаковъ, кошорые слушали васъ и
вамъ служили, а нашу землю выдали,
велимъ перевѣшать; и вы бы шѣхъ
казаковъ однолично оппустили опъ
себя въ Пермь. Писанъ на Москвѣ лѣша
„Зчѣ (1582) году Ноября въ 5 (16)
день» (5). И по симъ Семень и Максимъ
и Никита быша въ велицей печали о
шомъ, что прежде его Государево
Царево и Великаго Князя Ивана Ва-
сильевича всеа Русіи повелѣніе бысть
по прежнимъ его Государевымъ грамо-
шамъ, велѣно городки сшавити и людей
воинскихъ прибирашъ на Сибирскаго

Салшана ; а нынѣ его же Государевъ указъ , что не велѣно оппущати Волскихъ атамановъ и казаковъ , а у нихъ въ Сибирь оппущены казаки Ермакъ съ товарищи.

О приходѣ Волскихъ атамановъ и казаковъ, Ермака съ товарищи, на Тавду рѣку въ Сибирской землѣ.

Въ лѣто 34 (1582) году Сеншября въ 9 (9) день , на память Богоошець Іоакима и Анны , прїидоша воины въ пу Сибирскую землю безспрасни , и многіе Ташарскіе городки и улусы повоевали, въ низъ по Турѣ и дойдоша до Тавды рѣки въ мужеспѣвѣ , и на усть шой рѣки поимаше Ташаръ. Единъ бѣ ошъ нихъ, именовъ Таузакъ, Царева двора, и повѣда имъ все порядку, про Сибирскихъ царей , и князей , и мурзь и улановъ , и про Царя Кучума ; они же увѣдаше ошъ него о всемъ досшовѣрно , и оппущиша его , да скажешъ Кучумови

Салшану пришествіе ихъ , и мужество и храбрость. И отъ него же Таузака слышано бысть Царю Кучуму пришествіе Русскихъ воиновъ , и ихъ мужество и храбрость , и повѣдаша ему сице : шакови бо суть Русіи воины сильни , егда стрѣляють изъ луковъ своихъ , тогда огонь пашеть и дымъ великій изходитъ и громко голкнеть , аки громъ на небеси , а стрѣль изходящихъ отъ нихъ не видѣши , уязвляють ранами и смертно побивають , а уцѣпиться отъ нея никакими ратными збруями невозможно : куюки , и бегперцы , и пансыри и колчюги наши не держашъ , все пробивають на вылетъ (6). Царь же Кучумъ о семъ оскорбися и опечалися вельми зѣло , и паки въ недоумѣніи мнозѣ бысть , и посылаетъ во всю свою державу , по градомъ и по улусомъ , дабы къ нему ѣхали во градъ на спомоганіе прошиву Русскихъ сильныхъ вой ополчишися ; въ малѣ же времени собрашеса къ нему все мужество воя его , князи , и мурзы , и

уланове и Ташары, и Оспяки, и Вогуличи и прочая языцы подъ его власшю вси.

Тоя Сибирскія земли о царехъ и о князехъ, како и откуда нагашася.

Бысть въ Сибирской странѣ на рѣкѣ Ишимѣ нѣкто, Магметова закона, царь именемъ Иванъ, родомъ Ташаринъ; и возсѣ на него, его державы ошъ просыхъ Ташаръ, именемъ Чингисъ, и нашедъ на него аки разбѣйникъ, призвавъ подобныхъ себѣ, и уби его и самъ бысть царь. И нѣкто ошъ слугъ Царя Ивана, сына его Царевича Тайбугу соблюде ошъ Чингисова убійства. И по нѣколицѣхъ лѣшѣхъ увѣда Чингисъ про Тайбуга, яко сынъ есть Царя Ивана, его же уби и царствомъ его завладѣ, и почше его великою честію, и прозва его князь Тайбуга, и инѣмъ повелѣ его шакожъ заши. И по семъ Тайбуга начашъ просишися, дабы оп-

пущень былъ ; онъ же собираетъ ему
 воинство и оппустиша его. Той же
 пришедъ на рѣку, рекомую Иршишь ,
 идѣ же живяша Чюдь , и попомъ вла-
 стїю своею покори себѣ многихъ
 людей , живущихъ по рѣкѣ Иршишу и
 по великой Оби, и опшолѣ возвратися,
 и бывъ у него немного время, и паки
 начашъ проситися ; Чингисъ же оп-
 пусти его , а може хоцетъ и шамо да
 пребываетъ. Онъ же пришедъ на рѣку
 Туру, и поставиша градъ и назва его
 Чингїи , а нынѣ на шомъ мѣстѣ Хри-
 стїанскїй градъ , рекомый Тюмень.
 По немъ же княжилъ въ шомъ градѣ
 сынъ его Ходжа , по Ходжѣ же княжилъ
 сынъ его Маръ ; а шой Маръ женашъ
 былъ на сестрѣ Казанскаго Царя Упака,
 и сей Упакъ уби зятя своего Мара , и
 градомъ шѣмъ владѣлъ много лѣшъ ;
 и по семь Адеровъ сынъ Мамешъ, Царя
 Упака убилъ. Маровы дѣши : Адерь да
 Яболакъ ; а Адеровъ сынъ Мамешъ.
 Той Мамешъ Царя Упака убилъ и по-
 ставилъ градъ надъ рѣкою Иршишемъ ,

и назва Сибирь, и княжилъ въ томъ градѣ; а по немъ княжилъ Яболаковъ сынъ Агашъ; а по немъ Мамешовъ сынъ Казый; по немъ дѣти его: Ешигеръ да Бекбулашъ. И прїиде на нихъ изъ степи съ поля Царь Кучумъ, Мурша-зелѣевъ сынъ, со многими воинскими людьми, и уби Ешигера и Бекбулаша, и оштолѣ прозвася Кучумъ Сибирскій Царь. А Бекбулашовъ сынъ Сейдекъ, того увезоша въ Бухары въ малѣ возрастѣ. А у Царя Кучума два сына: единъ бѣ именемъ Мамешкуль, а впорый Али (7).

О посланіи Царя Кучума сына своего Маметкула на Русскіе вои ратью.

Злочеспивый же Царь Кучумъ посла сына своего Мамешкула со множеспвомъ воинства своего, и повелѣ имъ мужески ополчипися прошиву нашедшихъ Русскаго воинства; самъ же Кучумъ повелѣ себѣ учинипи засѣку

подлѣ рѣку Иршишь подѣ Чувашіемъ , и засыпаши землею и многими крѣпостьми ушвердиша , но крапкимъ словомъ реку , яко естъ доспойно на ушверженіе. Мамешкуль же со множествомъ вои своихъ доиде до нѣкоего урочища , иже бо именуется Бабасанъ. Русіи же вои , ашаманы и казаки видѣвше шаковое поганыхъ собраніе , того нимало успрашишася , возложиша упованіе на Бога , изъ остроговъ своихъ скоро изходятъ , и на поганыхъ успремишася. Поганіи же прошиву нашедшихъ крѣпце и немилосшивно наступаху на конѣхъ , копѣйнымъ пораженіемъ и острыми стрѣлами казакъ уязвляють вельми ; Русіи же людіе начаша стрѣляти изъ пицалей своихъ , и изъ пушечекъ скорострѣльныхъ , и изъ дробовыхъ , и изъ зашинныхъ , и шпанскихъ , и изъ аркобузовъ , и сими побивающе поганыхъ безчисленное множество ; и въ то время бысть брань жестока съ Татарскими вои , и паденіе ото обоихъ странъ мно-

го множество. Поганїи же видѣвше вои своихъ веліе паденїе предъ Русскими вои, и вдашася бѣгству. Русїи же казацы паки поидоша по рѣкѣ Тоболу и поидоша подъ гору; поганїи же начаша спрѣляши съ горы, и съ верьху падоша спрѣлы на спруги ихъ аки дождь, и та мѣсца проидоша ни чимъ не врежени ошъ Ташаръ (8).

*О пришествїи Русскаго воинства подъ
Карачинъ улусъ, думцаго царева.*

Прїидоша казаки подъ Карачинъ улусъ, и шу вшорую брань сошвориша съ Карачею, думчимъ царевымъ, также взяше улусъ его, въ немъ же царевъ медь и богашество царевое взяше въ спруги своя; поганїи же поспигоша ихъ у рѣки Иршиша, овїи на конѣхъ, а ини пѣши. Ашаманы же и казаки шу на берегу съ ними брань сосставиша, и мужески на поганыхъ наспуающъ, и въ то время бысть сраженїе веліе обоимъ

странамъ до смершнаго посѣченія. Тогда видѣвши поганїи своихъ паденїе велїе предъ Русскими вои и вдашася невозвратному бѣгству. И на помъ бою Русскаго воинства, отъ Ермаковы дружины, мало убїенно бысть, почїю кждо уязвлени быша. Царь же Кучумъ видѣвъ своихъ вои, яко побѣждени быша, и изыде со многими своими людьми, и сша на висоцѣ мѣстѣ на горѣ, по реклому Чувашевѣ, а у засѣки оспася сынъ его Мамешкуль со многими людьми; казацы же поидоша по рѣцѣ Иршишу въ верхъ (9).

О взятїи городка Атикъ-мурзы.

Прїидоша Русское воинство подъ городокъ Апикъ мурзы и взяше его, и сѣдоша въ немъ (10), уже ноци пришедши, пѣмѣ нашедшу. Видѣвше же казаки у засѣки шолкое поганыхъ собранїе, они же сего успрашишася и рекоша себѣ: како можемъ спати

прошиву шоликаго собранія? И начаша размышляши въ себѣ, и учини кругъ и совѣшь благъ сотвориша о помъ, и глаголаша другъ ко другу: ошойши ли намъ мѣста сего или спояши еди-нодушно? Ини начаша мыслиши и глаголаши: лучше бы намъ было, аще опъидемъ опъ нихъ въ ошходъ; а ини же супрошивъ глаголаху жеспоспїю пвердо: «О брашїя наша единомыслен-ная, камо намъ бѣжати? уже осени доспигшу и въ рѣкахъ ледъ смерзаешся, не дадимся бѣгсшву, и шоя худыя сла-вы себѣ не получимъ, ни укоризны на себѣ не положимъ, но возложимъ упо-ванїе на Бога; не опъ многихъ бо вои побѣда бываешъ, но свыше опъ Бога помощь даешся; можешъ бо и безпо-мощнымъ Богъ помощїи. Слышали есмы брашїя сами, колико зла сотворихъ безбожнїи они и окаяннїи Агаряне Си-бирскїя земли, Салпанъ Кучумъ, нашей Русской Пермьшей земли, Государе-вымъ городомъ запуспѣнїе, и право-славнымъ Христїаномъ посѣченїе и

плѣненіе веліе, и Строгановыхъ острожкомъ колико зла учиниша? Того ради всемогій Богъ мстишь имъ окаяннымъ за кровь ихъ крестьянскую. Возпомянемъ, брашїе, обѣщаніе свое, како мы чеснымъ людемъ, предъ Богомъ, обѣшы и слово свое даша, и увѣрившеся крестнымъ цѣлованіемъ, елико всемогій Богъ нашъ помощи подасшь, а ошнюдь не побѣжаши, хошя до единого всѣмъ умреши, а вспяшь возврашися не можемъ, срама ради и пресупленія ради слова своего, еже съ клятвою обѣщахомся. Аще намъ всемогій въ Троицы славимый Богъ поможешъ, то и по смерти нашей памяшь наша не оскудѣешъ въ шѣхъ спранахъ, и слава наша вѣчна будетъ.» И по семь атаманы и казаки, ушвердившеся вси единодушно, и мужеспвенно укрѣпившеся, и увѣришась до единого, и вси глаголаху едино вкупѣ: «Готови умреши за свяшыя Божія церкви, и за истинную православную вѣру поспрадаши, и благочеспивому

Государю Царю и Великому Князю Ивану Васильевичу всеа Русіи послу- жимъ, и постоимъ прошиву поганыхъ швердо до крови, и до самыя смерти; и шого, брашя, не премѣнимъ объша своего, и вси единодушно на шомъ спанемъ непоколебими.» И всѣмъ со- вѣшъ имъ бысть благъ. И уже ноци прошедши, свипающу дневи, и солнцу просіявшу, просвѣшися облакъ свѣш- лымъ блиспаніемъ, Ермакъ же о дѣлѣ своемъ зѣло печашеся, и рече дружинѣ своей со слезами: « О друзи и брашя! помолимся Богу и Пречистой его Богомашери, и всѣмъ небеснымъ си- ламъ и угодникамъ его, дабы сохранени быша отъ нечеспивыхъ и окаянныхъ враговъ нашеспвѣя.» И изыдоша изъ городка на бой мѣсяца Окшября въ КГ (23) день, на память свашаго апостола Тякова брата Господня, и вси вкупѣ, яко единѣми успы тлаголаху: съ нами Богъ! и паки: Господи, помози намъ рабомъ своимъ. И начаша приступати къ засѣкѣ мужеспвенно и сурово зѣло;

и бысть съ погаными брань велія. Поганіи же пушища стрѣлы тьмо-численныя съ верьху засѣки и изъ бойницъ, и мнозѣхъ ошъ Ермаковы дружины буйшвенныхъ овѣхъ уязвляюшъ, а иныхъ смертно убиваюшъ. Поганіи же видѣвше храбрыхъ мужей паденіе, и разломиша сами засѣку свою въ прехъ мѣспѣхъ, и изыдоша на вылазку, надѣяхуся казаковъ невозвратному бѣгшву предати; и въ шо время на вылазкѣ соспавишася брань велія, крѣпко бьющеса, дондеже другъ друга за руки емлюще сѣчахуся; казацы же на поганныхъ вси единодушно устремишася, и показавше храбросць свою и жесточь предъ нечеспивыми и безбожными Агаряны. По малу же времени поганіи начаша оскудѣвати въ силѣ своей, Богъ же казацѣмъ на поганныхъ побѣду дая; казацы жи поля приобрѣтаюшъ, и одо-лѣваюшъ ихъ, и безчисленно поганныхъ побиваюшъ, и ошъ засѣки ошбиша, и знамена своя на засѣку поспавиша, и Царевича Мамешкула уязвиша, но вои

его увезоша въ малой лодицѣ за Иршишь рѣку. Царь же Кучумъ спояше на висоцѣ мѣсцѣ, и видѣвъ своихъ Ташарь паденіе, и сына своего Мамешкула уязвленіе, и бѣгство скоро, повелѣ мулламъ своимъ кликаши свою скверную бусурменскую молишву; и начаша призывати къ себѣ на помощь скверные своя боги, и не быешъ имъ ни мало помощи. И въ то время князи Ошпяцкїи отойдоша съ своими людьми кождо во свояси. Царь же Кучумъ видѣ свою гибель и царства своего и богатства лишеніе, рече ко всѣмъ своимъ съ горькимъ плачемъ: « О мурзы и уланове! побѣжимъ не медлимъ, сами бо видимъ своего царства лишеніе, сильнїи наши изнемогоша и храбрїи воины вси побїени быша. О горе мнѣ! что сошворю, или камо бѣжу? покры срамоша лице мое. Кто мя побѣди и царства моего лишихъ? просныхъ бо людей послаша на мя Спрогановы изъ своихъ оспрожковъ, свои мнѣ мшиши обиды, ашамановъ и казаковъ

Ермака съ поварищи, не со многими своими людьми, и шои насъ нашедъ побѣди, и шoliko намъ зла сошвори: воинство мое избиша, и сына моего уязвиша, еле жива ошъ нихъ увезоша, и мене самага посрами, и ошъ царства моего ошгна, обратишя болѣзнь моя на главу мою, и неправда моя сниде на мя; азъ бо чужая съ радосшю прияхъ, Русскую землю воевахъ, Пермь великую и Спрогановыхъ острожки, а нынѣ всего своего лишень быхъ, и самъ побѣжденъ бышъ: нѣсть бо шоя радости на земли, иже не премѣнишя на жалосшь.» И прибѣже окаянный во градъ Сибирь и взя себѣ мало нѣчто ошъ сокровищъ своихъ, и вдашася невозвращному бѣгству, а градъ Сибирь оставиша пустъ. Храбрый же Ермакъ съ дружиною пріидоша во градъ Сибирь, послѣди же рекомый Тоболескъ, мѣсяца Окшября въ $\overline{\text{кз}}$ (26) день, на память свяшаго Великомученика и Страсшошерца Дмитрїя Селунскаго, и прославиша Бога, давшаго имъ побѣду,

на поганыхъ и окаянныхъ Агарянь , радуящесь радостію великою ; богатства же ошь злаша и сребра , и паволоки злашыя и каменіе многоцѣнное , и соболина , и кунья и лисиць драгихъ вельми множешво взяша , и по себѣ раздѣляюшь ; дивно бо бѣ слышати , и достойно воиспінну прославиши всесильнаго въ Троицы славимаго Бога , давшего побѣду на поганья супосшашы , и побѣдиша гордаго царя Кучума не многими бо сильными воини Русскими . Елико бо царь Кучумъ собра воинъ своихъ , яко же изрещись , единому казаку пропивишися съ десяти , или съ двадцатьми или съ тридесятьми погаными , и зѣло восплакася окаянный о множествѣ вои своихъ погибшихъ ; но Богъ гордымъ прошивишися , а смиреннымъ Хриспїяномъ даешъ благодать свою . На четвертый день прїидоша во градъ къ Ермаку съ дружиною Оспяцскій князь именемъ Боярь со многими Оспяки , и привезоша съ собою многіе дары и запасы ;

и посемь учили приходиши многіе
Татарове съ женами и съ дѣвшами, и
учали жиши въ прежнихъ своихъ юр-
тахъ.

*О убіеніи казаковъ на рыбной ловлѣ
подъ Яболакомъ.*

Тое же зимы, Декабря въ 5 (5) день,
Волскимъ казакамъ, Ермакове дружинѣ,
безъ опасенія идущимъ къ рыбной
ловлѣ къ нѣкому урочищу, иже зо-
вешся Яболакъ; казацы же быша въ спа-
ну своемъ; Царевичъ же Мамешкуль
пришедъ внезапно и побиша ихъ безъ
остатку. Слышано же бысть во градѣ
помъ убіеніе ихъ; Ермакъ же о семъ
оскорбися много зѣло и на гнѣвъ под-
вижася, и възъярися сердцемъ вельми,
и повелѣ дружинѣ своей препоясатися
оружіемъ и шедъ на брань, и въ слѣдъ
погнаша поганыхъ и постигоша ихъ
подъ Яболакомъ. И тако воины пове-
лѣніе Ермаково исполняютъ и мужески

на поганыхъ нападають и брань спускають, и ошо обою спрану другъ на друга сурово и немилоспивно наскочуть, и ошь смершныхъ пораженій падають, шрупія мертвыхъ ошо обою спранъ; уже бо нощнѣй шъмѣ нашедши и брань преста, а поганіи побѣгоша; Ермакъ же съ дружиною своею возвращашась во градъ.

Како Кугумова сына, Царевича Маметкула, взяше жива.

Тое же весны, по водополію, пришедъ во градъ Тапаринъ именемъ Сеибохша, а сказалъ, что Царевичъ Мамешкуль спойшь на рѣцѣ Вогаѣ, и нѣцы ошь Ермаковы дружины поидоша на Вогаи, и дошедше мѣста шого и нападоша нощію на спань Царевичевъ, и много поганыхъ побиша, и Царевича Мамешкула жива яша, и во градъ къ себѣ приведоша его. Царь же Кучумъ много сшоя на рѣцѣ Ишимѣ, ожидая сына

своего Мамешкула; не по мнозѣ времени прїидоша къ нему вѣспницы и повѣда ему вся поряду, и яко сына Мамешкула казаки полониша; Царь же Кучумь о семъ не мало болѣзнуешъ, скорбїю велїею одержимъ зѣло, ради сына своего Мамешкула.

О приходѣ князя Сейдека Бекбулатова на Царя Кугума.

И по малѣ времени, прїидоша къ нему инїи вѣспницы, и сповѣдаша ему, яко идешъ на него князь Сейдекъ, Бекбулатовъ сынъ, со многими воинскими людьми; Царь же Кучумь, слышавъ шо, вельми успрашися зѣло. И по семъ его думчей Карача съ своими людьми опойде олъ него; Царь же Кучумь плакася горько и рече къ себѣ: «его же Богъ не милуешъ, шому и честь на безчестїе приходишь; шого и любимїи друзи оставляють.» Карача же пришедъ въ Лымскую землю, и

нача жиши на большемъ озерѣ , выше
рѣки Тары , близъ рѣки Сосмы.

*О буйствѣ и храбрости Ермаковѣ , и
о взятіи Назыма града и о убіеніи
Никиты Пана Волскаго атамана
съ его дружиною.*

Того же лѣша , храбрствующу Ерма-
ку съ дружиною своею , и обнажиша
мечи свои на нечестивые , и шолко
въ крѣпости меча своего многіе го-
родки и улусы Татарскіе по рѣкѣ
Иршишу и по великой Обѣ , и Назымъ
градъ Оспяцкой взяше со княземъ ихъ ;
и въ шомъ хоженіи погани убиша подъ
городки своими , на присшупѣ атамана
Никиту Пана съ его дружиною (11).
Ермакъ же съ вои своими возвратишася
во градъ Сибирь , и о шомъ изъ Сибири
атаманы и казаки , Ермакъ Тимоѳеевъ
съ поварищи , къ честнымъ людемъ
къ Семену и къ Максиму и къ Никишѣ ,
въ ихъ городки , писаша : егда Господь ,

въ Троицы славимый Богъ, изволи убо
одолѣши имъ Кучума Салтана, и градъ
его сшольный взять въ Сибирской его
землѣ, и сына его Царевича Мамешкула
жива взяша. И тогда Семень и Максимъ
и Никиша Спрогановы, изъ оспрожковъ
своихъ, по ихъ ашамановъ и казаковъ
ошпискамъ, писаша къ Москвѣ благо-
честивому Государю Царю и Великому
Князю Ивану Васильевичу всеа Русіи,
о взяшїи и одолѣнїи Сибирскїя земли
и яшїи Царевича Мамешкула; послѣди
же того и сами, не во мнозѣ времени
приѣхавше къ Москвѣ, и Государю о
всемъ о помъ извѣспиша вся порядку:
како изъ оспрожковъ своихъ казаковъ
Волскихъ съ своими людьми оппусти-
ша въ Сибирскую землю, войною на
Сибирскаго Царя Кучума, и о взяшїи
Кучумова сына Царевича Мамешкула,
и града его сшольного Сибири, и о
опгнанїи Царя Кучума, и о усмиренїи
Сибирскїя земли, все ему Государю
повѣдаша. И Государь Царь и Великій
Князь Иванъ Васильевичъ всеа Русіи,

за ихъ службу и радѣнье, пожаловалъ города Солью большою, еже естѣ на Волгѣ, и Солью малою, и грамошу свою Царскую на шѣ мѣста Семену Спроганову пожаловалъ, за красною печашью, за приписью Посольскаго Дьяка Андрѣя Щолканова, почему ему шѣми городами владѣши, а Максима и Никишу Спрогановыхъ же пожаловалъ, въ городкѣхъ и въ оспрожкѣхъ ихъ шорговати имъ, и у нихъ всякимъ людемъ безпошлинно.

О посланіи казаковъ Государю, къ Москвѣ, съ отписками бити теломъ Государю Царю и объявляти свою службу.

Тогда же они ашаманы и казаки Волсшїи, Ермакъ Тимоѳеевъ съ дружиною своею, изъ Сибири писаше къ Москвѣ Государю Царю и Великому Князю Ивану Васильевичу всеа Русїи, о взя-

пїи града спольного Сибири, и о опгнанїи Царя Кучума, и о ятїи Царевича Мамешкула, и о усмиренїи Сибирскїя земли. И слышавъ Государь милоснъ Божїю, что Богъ ему, Государю, покорилъ Сибирскую землю, и Царевича Мамешкула взяша жива, и шѣхъ казаковъ пожаловаль, кои къ нему Государю приѣхали съ шою вѣспїю, великимъ своимъ жалованьемъ, деньгами, и сукнами, и камками; а кои въ Сибири ашаманы и казаки, и шѣмъ Государь пожаловаль, велѣль послашь имъ свое Государево полное большое жалованье, и воеводъ велѣль оппуспшшъ съ людьми служилыми въ Сибирскїе города, копорые ему Государю Богъ поручилъ, а Царевича Мамешкула указаль Государь къ Москвѣ послаши.

*О посланіи съ Москвы Государевыхъ
Воеводъ въ Сибирь Князя Семена Бол-
ховскаго да Ивана Глухова.*

И во второе лѣто, по взятіи Си-
бирскія земли, послалъ Государь Царь
и Великій Князь Иванъ Васильевичъ
всеа Русіи, съ Москвы, Воеводъ Князя
Семена Болховскаго да Ивана Глухова,
со множествомъ воинскими людьми,
въ Сибирь; а шаманы же и казаки спрѣ-
шоша ихъ съ великою честію; Госу-
даревы же Воеводы, по Государской
рописи Государево имъ жалованье
объявиша, и пришедъ въ городъ въ Си-
бирь и имъ даша. Они же шаманы и
казаки, Государевыхъ Воеводъ одариша
драгими собольми, и лисицами и вся-
кою мягкою рухлядью, елико кто что
можаху, и радости наполнишася, и ве-
селяхуся благодаряще Бога, видя къ се-
бѣ Государское жалованье, что къ нимъ
пожаловалъ Государь послалъ за ихъ
шаманскую и казачью службу (12).

*Како въ Сибири бысть гладъ
людемъ.*

Тое же зимы, егда прїидоша Московскїи вои въ Сибирь къ казакамъ, и кои запасы съ собою привезоша и шїи изъядоша, а казацы запасъ пасяху, смѣшеса по своимъ людемъ, а того не вѣдуще Московскїя силы людей пришествїя къ себѣ; и того ради бысть оскуднїе велїе всякимъ запасомъ, и мнози ошъ гладу изомроша Московскїи вои и казацы, и Воевода Князь Семень Болховскїй пожь умре, и положенъ бысть въ то время въ Сибири. И по семь убо зимняя година пройде, мразу и спудени облегчевшу ошъ солнечныя теплоты, и настомъ наспавшимъ, и звѣриной ловлѣ лосьей и оленьей приспѣвшу, и шѣмъ людемъ питающеса и гладу облегчевающу, и егда веснѣ приспѣвшу, и ошъ теплоты воздуха снѣгу разтаявшу, и всяка шварь бошѣюще, и древесамъ и правамъ прорастающимъ, и опшверзенїе водамъ бысть,

тогда убо всяко живошно веселящися,
 и пицамъ прилепающимъ въ ша мѣ-
 ста плодовъ своихъ ради, и въ рѣкахъ
 рыбамъ плоду ради ходящимъ, и рыб-
 ной ловлѣ и пшичьей бывшу много
 множество, и шюю ловишвою пишав-
 шися, и гладу людемъ не бысть, а кои
 языцы окрестъ живуще того мѣста,
 Ташарова, и Остяки и Вогуличи при-
 вожаху имъ запасы отъ звѣрей, и
 пшиць, и рыбъ и отъ скопъ вельми
 множество, кои подъ его Государевою
 рукою бысть дальни и ближни, и
 отъ товаровъ драгихъ, отъ всякїя мяг-
 кїя рухляди. Тогда Московспїи людіе
 и казацы, Божїею милосшїю, всякими
 брашны изобильны быша и богашсва
 себѣ приобрѣшающъ множества, отъ
 торгу мягкїя рухляди, и пребывающе
 въ радости и въ веселїи, благодаряще
 всемогущаго Бога, что дарова Богъ
 Государю шакую благодатную землю.

О посланіи Царевича Маметкула Кучумова къ Москвѣ.

По повелѣнію Государя Царя и Великаго Князя Ивана Васильевича всеа Русіи, Воевода Иванъ Глуховъ и Сибирскіе ашаманы и казаки, послаша ко благочестивому Государю Царю и Великому Князю Ивану Васильевичу всеа Русіи, во царствующій градъ Москву, Царевича Сибирскаго Кучумова сына Мамешкула, со многими его людьми; и второе ошъ Государя, съ Москвы въ Сибѣрь, ашаманомъ и казакомъ, бысть великое жалованье.

О убіеніи атамановъ Ивана Кольца и Якова Михайлова съ дружиною.

Того же лѣта, пріидоша во градъ къ Ермаку съ дружиною, ошъ Карачи послы просити людей, оборониши ихъ ошъ Нагайской орды, и шершоваша на томъ, что ни котораго зла

казакомъ не учиниши и не мыслиши. Ермакъ же съ дружиною повѣриша ихъ безвѣрному шерпованію, а они зли Агаряне совѣщаша совѣшь неблаго- дарный на Христіанъ; казацы же оску- дѣша умы своими, и не помянуша реченнаго Пророкомъ: не всякому духу вѣруйше, но испытайше духи; не всякъ бо духъ ошъ Бога еспь, еспь бо духъ Божій и духъ льспечь; и льспи и лу- кавсва ихъ окаянныхъ не уразумѣша, и нрава ихъ не вѣдуща, чшо сверхъ ихъ шерпи емлюшь у нихъ аманашовъ, ихъ ради злаго пронырсва и непос- тоянсва лукаваго Карачина, и невоз- могоша домыслилися, и оппустиша къ нему ашамана Ивана Кольца, да съ нимъ М̄ (40) человекъ, и шїи сами предашася въ руки окаяннымъ и нече- сшивымъ врагомъ, безбожнымъ Агаря- номъ, и шамо вси сїи избїени быша ошъ нечесливаго Карачи. Слышано же быспь во градѣ ашаманомъ и казакомъ, чшо ашаманъ Иванъ Кольцо съ дружи- ною своею побїени быша, и рыдаху

горько по нихъ вся брашїя, плачуще изъ глубины сердца. Вниде же сїя во уши поганыхъ Агарянъ, кошорїи живяху близь града того, яко ашаманъ Иванъ Кольцо съ дружиною побьени быша, тогда ашаманъ Яковъ Михайловъ, хошя надъ окаянными промысль учиниши; поиде подъ нихъ въ подсмопръ; они же окаянніи яше его и убиша: и тако сїи добрїи и храбрїи воини ашаманы скончашася.

О приходѣ подъ городъ Карагинъ и о побѣдѣ и о убїенїи сыновъ его.

Того же года, во время свяшаго великаго поста, егда наснавше мѣсяць Марть, въ то же время наспоющїя шоя години, прїиде Карача со многими своими людьми въ силѣ и въ мощи своей, облегоша весь градъ обозами; самъ же Карача спаль не въ коемъ мѣспѣ, зовомомъ Саусканъ, ошъ града яко поприща за при. Казацы же пре-

бывающе во осадѣ не мало время, зима уже мимоиде, прилѣшїе же прїиде, веснѣ приспѣвшу, потомъ же и лѣпу дошедшу, земля прошибающе злакъ свой и возраспающе семена своя и пшциамъ возпѣвающимъ, но вкращцѣ реку, вся сущь обновляема, Карача же нимало ошспуи, но сшоя во обступленїи града, хошя ихъ умориши гладомъ, и аки нѣкая ехидна, дыхая на казаковъ уклонишася въ злоокаянную свою мысль, хошя ихъ похишитъ, и просшре руки своя окаянный на убьенїи казаковъ, и собранїе ихъ хошя себѣ взяши, и сшоя подь градомъ многое время. И егда мѣсяць Іюнь насша и приспѣвшу дни $\overline{\text{Б}}$ (12) повраша зимняго, и въ шо время, въ едину ношь, съ казацы же ашаманъ Машѣей Мещерякъ изыдоша изъ града ошай, гласу же ни вису никакo же ни ошъ единого не бысть, и пришедъ къ спаномъ Карачинымъ и умыслиша напасши на нихъ, и хошя ошомсшиши наносимыя имъ ошъ него шяжкїя обиды, и поидоша на

нечесшываго и лживаго супосшапа , и шамо ему жешоко и немилосшывно опомщеніе покушахуся воздаши ; во градъ же ошася Ермакъ не со многими людьми. Прїдоша же прочїи казацы подь Карачу въ Саускань , и мужески и храбро на сшаны ихъ нападоша , поганымъ же спящимъ безо всякаго опасенія , и милосшїю Божїею и Пречисшья Богородицы помощїю , казацы же поганыхъ посѣкоша много множешво , и дошедше близь Карачина сшану , и дву сыновъ его убиша , поганїи же бѣгаюшъ опъ казаковъ семо и овамо ; самъ же Карача и съ нимъ не мнози за озера убѣгоша , и инїи же побѣжаша , идѣже поганїи спояша во оспупленїи града , и уже ноци прошедши , свшщающи дневи , поганїи же слышавше се опъ града вси скоряшъ въ Саускань , надѣяхуся казаковъ смерши предаши , и доидоша до нихъ и нача сосшавляши брань , казацы же ни мало шого усшрашишася , но и паче укрѣпляшеся , поганїи же на нихъ жешоко присшупающе ,

казацы же ошъ нихъ защищахуся въ Саусканѣ, и шако бысть брань до полудни, и преста бранное ополченіе, поганїи же ошступиша ошъ нихъ, казацы же возврашишася во градъ свой радующесе, и веселящесе, и хвалу воздающе всемогущему Богу; видѣвше же Карача, яко казаковъ одолѣти не може, и ошпойде во свояси съ срамомъ.

*О убїенїи храбраго атамана Ермака
съ Русскими вои.*

Того же лѣта, мѣсяца Августа въ 5^ѣ (5) день, на предпразднество Преображенїя Господня, на память святаго мученика Евсигнїя, прїидоша вѣстницы ошъ Бухарцовъ торговыхъ людей, ашаманомъ и казакомъ къ Ермаку съ дружиною и сказаша, что ихъ Царь Кучумъ не пропустишь; и Ермакъ же не со многими людьми пойде на встрѣчу (по рѣкѣ) Иршишу, и пришедъ на Вогаи Бухарцовъ не обрѣше, и доидоша

до мѣста, зовомаго Атбашъ, и опшолѣ
 возрашишася, уже бо дни прешедшу
 и нощнѣй шѣмѣ нашедши, казацы же
 зѣло ушрудшася опѣ многого пущи,
 и дошедше до перекопа и обночевав-
 шеся ту. Царь же Кучумъ подсмотри
 ихъ, и разосла многихъ Тапаръ, и по-
 велѣ швердо спрещи; шое же нощи
 бысшѣ дождь великъ, поганѣи же, аки
 ехидна нѣкая, дышуще на Ермака съ
 дружиною, и мечи свои гоповляху
 на опомщеніе, уповаху наслѣдши, ко-
 нецъ желаемаго своего дѣла возхошѣша
 учиниши: время же бѣ насша яко въ по-
 лунощи, Ермакъ же съ дружиною спаху
 въ спанѣхъ въ полагахъ, поганѣи же
 яко неиспово дышуще гоповляшеся
 на пролишѣе крови, и разумѣша, яко
 время есшѣ уже хошѣніе свое испол-
 ниши, и скоро оружїе свое извлекоша,
 и на спанѣ ихъ нападають, и обнажен-
 ными мечи погубляють ихъ, и тако
 шу вси избїени быша, единѣ токмо
 упече; а велеумный и храбрый ршорь
 Ермакъ убїенѣ бысшѣ(13). Послѣди же нѣ-

цы глаголюшъ ошъ языкъ о шомъ , яко
 возпрянувъ шу храбрый вашъ воинъ и
 Ермакъ ошъ сна своего , и видѣ дру-
 жину свою ошъ насъ побиваемыхъ , и
 ни коея надежды можно имѣши ему
 живопу своему , и побѣже въ спругъ ,
 и не може доиши своихъ си , понеже бо
 въ дали разспоянїе , и шушо ввержеса
 въ рѣку и ушопе ; но посланїемъ Бо-
 жїимъ прїиде на воиновъ храбрыхъ и
 крѣпцыхъ казацевъ внезапу смершь , и
 шако живопъ свой скончаша. Слышано
 же бысшь во градѣ ашаману Машѳею
 Мещеряку съ дружиною , яко начальный
 ашаманъ , велеумный Ермакъ съ дружи-
 ною , побѣени быша , они же во градѣ
 плакахуса по нихъ горько.

~~~~~

О походѣ казаковъ на Русь.

И не по мнозѣхъ днѣхъ ашаманъ Маш-
 ѳей Мещерякъ со оспавшими казаки
 поидоша на Русь , а градъ оспавиша
 Сибирь пусшь.

~~~~~

*О приходѣ Царевича Аллія Кучумова
во градъ.*

Егда же они казаки изъ града изыдоша, тогда Царевичъ Алли, Кучумовъ сынъ, видѣ бо казаковъ изшедшихъ изъ града, и пришедъ съ своими людьми во градъ; посемь и опецъ его Царь Кучумъ прїиде шу во градъ свой спольный Сибирь, радовашеся.

О приходѣ Сейдековѣ.

Вниде же сія во уши князю Сейдеку Бекбулашову сыну, яко вожь и наставникъ казачей, ашаманъ Ермакъ, убїенъ бысть, а прочїи казаки изъ града поидоша, и сему Ташарове радовахуся и веселяхуся вельми зѣло, понеже боязнь велїю опъ нихъ имѣяху; попомъ князь Сейдекъ Бекбулашовъ небоязненно прїиде ко граду Сибири, и Царя Кучума побѣди и градомъ Сибирью облада.

*О второмъ приходѣ съ Москвы Воеводы
Ивана Мансурова, и о возвращеніи
Волскихъ казаковъ атамана Матѳея
Мещеряка съ товарищи и съ прогими
оставльшимися воинскими людьми,
иже прежде бывшихъ въ Сибирской
землѣ войною.*

Во второе лѣто по Ермаковѣ убіе-
ніи, въ лѣто *ЗѢД (1586) году, послѣ
Семенова дни лѣтопроводца, посла
Государь изъ царсшвующаго града
Москвы Воеводу Ивана Мансурова со
многими воинскими людьми, и той
пришедъ на Туру рѣку, ту встрѣшоша
Волскаго атамана Матѳея Мещеряка
съ дружиною, и радовахуся и весели-
шася казацы о пришествіи воеводѣ въ
Сибирскую землю, и ошолѣ возвра-
тишася вси вкупѣ единодушно на без-
божныхъ Агарянь; и пойдоса въ низъ
по Турѣ, и по Иршишу и до Тоболу,
идѣже нынѣ Богоспасаемый Русскій
градъ Тоболескъ. Поганіи же, собра-
шася во уреченномъ мѣстѣ, у рѣки

Ирпиша на брегу. Воевода же видѣвъ
 пакое поганыхъ собраніе и успра-
 шишася вельми, и не присташа ко бре-
 гу, и паки поидоша въ низъ по Ирпишу,
 и дойде великія рѣки Оби; бѣ бо тогда
 уже осень, и наша година зимняя и
 воздухъ небесный премѣнися на спу-
 день, и бысть снѣгове и ледь по рѣцѣ
 смерзается; Воевода же оный видѣ
 премѣненіе воздуха, яко наша зима,
 и шу озимѣвше и посшавиша городокъ
 надъ рѣкою Обью, на усть Ирпиша,
 и сѣдше въ немъ со всѣми людьми сво-
 ими; съ ними же бѣ и Волсшіи казацы
 Машѳей Мещерякъ съ дружиною.

*О пришествіи Остяковъ подъ го-
 родокъ.*

По нѣколицѣхъ же днѣхъ, пріидоша
 подъ городокъ Остяковъ множество,
 и начаша приступати со всѣхъ странъ,
 людіе изъ городка того прошиву на-
 шедшихъ прошивляхуся со стѣнъ го-

родка; нашедши же нощнѣй шѣмѣ, поганїи опсступиша. На утрїи же поганїи паки прїидоша къ городку и принесоша кумира своего, его же чшаху, и посшавиша его близь городка подѣ древомѣ, въ низкомѣ мѣспѣ, и начаша предѣ нимѣ жреши, чая себѣ нечешивїи помощника Хрисшїянѣ одолѣши и мечу ихѣ предаши; шой же кумирѣ поганымѣ нарочипѣ и славенѣ; и мнѣзи поганїи приносяшѣ ему дары изѣ дальнихѣ городовѣ вельми множешво, по вся дни, и въ шо время изѣ городка казаки спрѣлиша изѣ пушки, и древо оно, подѣ нимѣ же поганїи кумиру шворяху жершву, разбиша на многїя часши, и кумира ихѣ сокрушиша; и сего поганїи Агаряне устрашишася, невѣдуще сего и мняху, яко изѣ лука спрѣлиша нѣкто, и рекоша сами себѣ: сильни убо Русшїи воини спрѣляпи, шакое великое древо разбиша и боги наша сокрушиша, и опѣ того времени къ городку приходиши Ошяки не спаша.

О третьемъ приходѣ съ Москвы Воеводы Данила Чулкова.

И по нѣколицѣ времени, благочестивый Государь Царь и Великій Князь Ѳедоръ Ивановичь всеа Русіи, прислалъ съ Москвы въ Сибирь Воеводу Данила Чулкова со многими воинскими людьми, и со огненнымъ нарядомъ (14); и пришедъ въ Сибирскую землю. Слышано же бысть бусурменскимъ языкомъ въ Сибири приходъ его, Татпарове же сего убояшася Русскихъ вой много пришествія, избѣгоша ошъ града своего, идѣже прежде сего бысть въ Сибири Татпарскій ихъ городокъ спольный усть Тобола и Иршища, иже именуемый Сибирь, оставиша его пуста; Русіи же вой пріидоша, и сѣдоша въ немъ, и ушвердивше градъ крѣпко, идѣже бо нынѣ именуемый Богоспасаемый градъ Тоболескъ.

О приходѣ князя Сейдека Бекбулатова съ Сибирскими людьми войною подъ городъ Тоболескъ.

Умысли сей окаянный бусурменскій князь Сейдекъ съ Сибирскими людьми, собрати воинства множество себѣ, и пришедъ войною подъ городокъ Тоболескъ, хоша его взяши, и людей въ немъ побииши, да не будутъ въ нашу землю селишися Русїи людїе, и Государевымъ воеводамъ сказася, что прїиде для торгу, а людей своихъ воинскихъ поставилъ въ укрышѣ, и торговаша съ Русскими людьми день, и наупрїя прїиде подъ городъ шайно присупомъ со всѣми своими людьми, и обляже градъ, и нача къ нему присупати. Московскїи же людїе и Волсти казацы видѣвъ ихъ безсудство и жестокой присупъ ко граду, и послабиша имъ приближися къ спѣнамъ града, и начаша по нихъ со града спрѣляши, и многихъ побиа, а инїи изъ града къ нимъ на вылазку вышедше, и мно-

гихъ побиваше бусормень, и живыхъ яша, и самага князя Сейдека на помь бою ухвашиша ранена; они же окаяннїи бѣгству яшася и въ спаны своя бѣжаша, Русїи же вои и до спановъ ихъ за ними гнаша сѣкуще; они же оставиша спаны своя и все свое богатство въ спанѣхъ своихъ и сами едва ушеша; и на семь бою Волскїй ашаманъ Машоей Мещерякъ убіенъ бысть; и ошполѣ на всѣхъ Сибирскїя земли бусорменѣхъ бысть страхъ велїй, и всѣ Татарова ближнїи и дальнїи не смѣяше къ Государевымъ городомъ войною приходиши (15).

*О устроенїи градомъ и острогомъ
въ Сибирской землѣ.*

По повелѣнїю Государя Царя и Великаго Князя Ивана Васильевича всеа Русїи, и по немъ сына его Государя Царя и Великаго Князя Θεодора Ивановича всеа Русїи, начася въ Сибирской

земль города и остроги поставля-
лися, и разпространялися въ Сибир-
ской странѣ крестьянская православ-
ная вѣра, и церкви Божія воздвигну-
шася, и проповѣдь Евангельскаго ученія
обшече во вся конца Сибирскія земли,
и псаломскій громъ огласи на мнѣхъ
мѣстѣхъ; повелѣнемъ ихъ Госуда-
рей поставишася грады и остроги
Христіянскія, и въ нихъ церкви Божія
воздвигнушася, и монастыри сосзави-
шася въ славословіе Отцу и Сыну и
святому Духу. И видѣвше невѣрніи
таковую благодать въ ихъ странѣ
просіявшу и Государскую высокую
руку надъ собою возвысившуся, и подъ
его Государеву руку мнози покорisha-
ся, и оставльше свою богомерскую
вѣру, и мнози невѣрніи приходяще
въ крещеніе и крестящеся живуще въ
православной вѣрѣ, и всюду убо Божія
благодать разпространяшеся, и бо-
гато изліяся въ Сибирской странѣ
земли.

О ясашномъ сборѣ.

По взяшїи же и по очищенїи всея Сибирскїя земли и по усмиренїи бусурменскаго языка Сибирскихъ Ташарь, и Остяковъ и Вогуличь, честныхъ людей Семена и Максима и Никишы Спрогановыхъ промысломъ, и подмогою, и храбрствомъ и мужествомъ добрыхъ и доброродныхъ воинъ ашамановъ и казаковъ, Ермака Тимоѳеева Поволскаго съ товарищи, и еще къ сему приложища шїи честнїи людїе, кои бусурмене живуще близъ ихъ городковъ и оспрожковъ по Камѣ, и по Чусовой, и по Усвѣ, и по Сылвѣ, и по Яйвѣ, и по Обвѣ, и по Инвѣ, и по Косвѣ и по инымъ рѣкамъ, и шѣхъ всѣхъ бусурмень приведоша къ шерпи, что имъ Государю Царю и Великому Князю Ивану Васильевичу всеа Русїи служити безъ измѣны, и во всемъ ему Государю прямиши и доброхошиши, и ясаки съ себя имъ давати. И оштолѣ начаша Семень и Максимъ и Никиша,

изъ городковъ и изъ оспрожковъ своихъ, шого ясашнаго ради сбору по рѣкамъ въ Ташарскіе, и въ Остяцкіе и въ Вогульскіе улусы, людей своихъ посылаши и ясакъ съ нихъ бусурмень собираши, и къ Москвѣ съ людьми своими въ Ноугородскую четъ посылаши. И попомъ повелѣніемъ Государевымъ Государя Царя и Великаго Князя Ѳеодора Ивановича всеа Русіи, и съ шѣхъ бусурмень ясашные сборы начашася собираши по городомъ ошъ воеводъ, гдѣ шѣ языцы живяху въ разныхъ мѣспѣхъ : въ Чердынъ, и на Уфу, и на Верхошурьѣ и по инымъ городомъ Сибирскимъ, гдѣ шѣ языцы окрешъ живуще близъ городовъ (16).

Изложена же бысшь сїя повѣсшь о посшавленїи городовъ и оспроговъ въ Сибирскихъ земляхъ и о оплущенїи въ Сибирь ашамановъ и казаковъ Ермака Тимоѳеева съ шоварици, и о пошожденїи ихъ казачьемъ въ Сибирскихъ странахъ, и о побѣдѣ Царя Кучума, и о взятїи сына его Царевича Мамешкула, и о владѣнїи

Сибирской земли Государевыхъ людей Русскихъ, сія словеса о семъ преходящъ въ конецъ сей повѣспи, всякъ бо чпый да разумѣешь и дѣло шолікія вещи не забываешь, на возпоминаніе сіе писаніе написахъ, да незабвенной будешь шолікія вещи шрудъ.

ПРИМѢЧАНІЯ

къ

ЛѢТОПИСИ СИБИРСКОЙ.

(1) Примѣръ вѣроломства Кучумова. Въ то время, когда онъ увѣряетъ Царя Іоанна Васильевича въ дружбѣ своей, сынъ его грабитъ и убиваетъ Русскаго посланника, прибывшаго къ Кучуму съ жалованною Царскою грамотою. Не лзя думать, чтобы Мамепкуль сдѣлалъ сіе безъ воли ошца; но безъ сомнѣнія дружба Кучумова была для того только, чтобы произведя въ Русскихъ оплошность, тѣмъ вѣрнѣе и удобнѣе беспокоить ихъ набѣгами. Полишика, достойная Татарскаго сердца. Подлинная грамота о убіеніи Трешьяка Чебукова и различныхъ выгодъ, пожалованныхъ Спрогановымъ, помещена Миллеромъ въ описаніи Сибирскаго царства (гл. II, § 18, стр. 70—74). Здѣсь же приво-

дится грамота отъ Кучума къ Царю Иоанну Васильевичу, писанная въ 1570 году, и любопытная по слогу и Исторической достопамятности.

« Богъ богатъ. »

« Вольный человекъ Кучумъ Царь, Великій Князь Бѣлый Царь. Слыхали есмь . . . еси и справедливъ; мы и весь народъ земли воюемся; а не учнушь воеваться и они мирятся. Съ нашимъ опцомъ твоей *отецъ* гораздо помирился, и гости на обѣ спороны ходили, попому что твоя земля близка; люди наши въ упокоѣ были, а межи ихъ лиха не было, а люди *черные* въ упокоѣ, въ добрѣ жили; и нынѣ при нашемъ и при твоемъ времени люди черные не въ упокоѣ. А по сея мѣсто грамоты къ тебѣ не посылаю есмь попому, что не съ которымъ намъ война была и мы того недруга своего взяли; и нынѣ похощь миру, и мы помиримся, а похощь воеваться, и мы воюемся: няпи шти человекъ въ поиманьи держать, землѣ въ томъ что? Язъ пошлю посла и гостей, да гораздо помиримся, только похощь съ нами миру, и ты изъ тѣхъ людей одного, которые въ поиманьи сядяшъ, опусти и своего человека съ ними къ намъ пришли гонцомъ. Съ кѣмъ

отецъ чей былъ въ недружбѣ, съ тѣмъ и сыну его въ недружбѣжъ быти пригоже; будетъ въ дружбѣ бываль, ино въ дружбѣ и быти, кого отецъ обрѣлъ себѣ друга и брата, сыну съ тѣмъ въ недружбѣ быти ли? И нынѣ . . . помиримся брапомъ старѣйшимъ . . . чимъ учинимся въ опечествѣ . . . спвѣ учинимся, только похощь миру, и пы на борзѣ къ намъ гонца пришли. Молвя, съ поклономъ, грамошу послалъ.»

Грамоша сѣя въ переводѣ (въбродно съ Татарскаго языка) напечатана въ Собраніи Государственныхъ Грамошъ и Договоровъ, во II части, на стр. 52. — Я перемѣнилъ въ ней только правописаніе, и выставилъ или дополнилъ нѣкопорыя разобранныя мною слова, вмѣсто коихъ въ печатной грамошѣ поставлены точки, опличивъ ихъ ошъ прочихъ косыми буквами.

(2) Миллеръ, слѣдуя Тобольской лѣтописи, предпочитаемой имъ *по полкотѣ* ея предъ всѣми другими, ушверждаетъ (Истор. Сибир. кн I, гл. 2, стр. 75 — 79), что будшо бы Ермакъ съ товарищами своими бѣжалъ съ Волги на Каму въ 1577 году, убоясь преслѣдованія Спольшника *Ивана Мурашкина*, и

что всѣхъ людей было съ нимъ до семи тысячъ. Тоже самое говоритъ Фишеръ въ своей Сибирской Исторіи (кн. I, стр. 114, которая впрочемъ не иное что есть, какъ сокращеніе Миллеровой. Тоже повторяютъ и многіе другіе, переписывавшіе ихъ сочиненія.

(3) Ни Миллеръ, ни Фишеръ, ни послѣдователи ихъ не говорятъ, чтобы Ермакъ съ товарищами прожилъ въ Чусовскихъ городкахъ два года и два мѣсяца; а потому всѣ они несогласны въ численіи времени съ изданною нами Лѣтописью.

(4) У Миллера (Истор. Сибир. гл. 2, стр. 79—82) и у Фишера (Истор. Сибир. кн. 2, стр. 116—118) сказано о двухъ походахъ Ермака съ товарищами опъ Спроганова въ Сибирь: о первомъ въ 1578, изъ котораго они сбившись съ дороги безъ всякаго успѣха возвратились, и о второмъ удачномъ походѣ въ 5,000 человекъ 1579 года, для коего Спрогановъ снабдилъ ихъ искусными проводниками изъ Зырянъ, оружіемъ и запасами. Но чтобы при семъ случаѣ опправили съ ними Спрогановы изъ принадлежащихъ имъ

городковъ своихъ рапныхъ людей *Литовъ*, *Нѣмцевъ* и *Татаръ*, ни одинъ изъ сихъ Историковъ не упоминаетъ.

(5) Грамоту сію Миллеръ напечаталъ подлинникомъ (Истор. Сибир. тл. III, § 3, стр. 117—119); но съ нѣкоторыми пропусками, перемѣнами и прибавленіями противъ нашей Лѣтописи, и при томъ помѣспилъ ее послѣ взятія Сибири, между тѣмъ, какъ ей должно бы предшесипвовать тому. Историческая важность сей грамоты, показывающей истинное время отправленія Спрогановыми Ермака съ товарищи на Сибирь, побудила меня внести сюда Миллеровъ списокъ, съ означеніемъ косыми буквами всѣхъ прибавленныхъ имъ словъ, и такими же буквами въ скобкахъ, находящихся въ нашей Лѣтописи, но Миллеромъ пропущенныхъ или переимененныхъ.

« Оспъ Царя и Великаго Князя Ивана Васильевича всея Руссіи въ Чюсовую Максиму Яковлеву сыну, да Микипѣ Григорьеву сыну Спрогановымъ, писалъ къ намъ изъ Церміи Василій Пелепелицынъ, что послали вы изъ оспроговъ (*изъ острожковъ*) своихъ Волжскихъ ашамановъ и казаковъ Ермака съ по-

варищи воевать Вопяки, и Вогуличей (и Татаръ), и Пелымскія и Сибирскія мѣста ЧА (7091 года) Сентября въ 1 день, а въ пошъ же день собрався Пелымской Князь съ Сибирскими людьми и съ Вогуличи приходилъ (приходили) войною на наши Пермскія мѣста, и къ городу къ Чердыни, (и) къ острогу приступалъ (приступали), и нашихъ людей побилъ, и многіе убытки нашимъ людямъ починили (учинили), и по сдѣлалось вашею измѣною, вы Вогуличъ, и Вопяковъ и Пелымцовъ опъ нашего жалованья отвели, и ихъ задирали (задрали) и войною на нихъ приходили, да пѣмъ задоромъ съ Сибирскимъ Салпаномъ ссорили насъ, а Волжскихъ апамановъ къ себѣ призвавъ воровъ наняли въ свои остроги безъ нашего указа, а пѣ апаманы и съ казаки прежь того ссорили насъ съ Нагайскою ордою, пословъ Нагайскихъ на Волгѣ на перевозѣхъ побивали, и Ардобазарцовъ грабили и побивали, и нашимъ людямъ многіе грабежи и убытки чинили, и имъ было вины свои покрыпи пѣмъ, что было нашу Пермскую землю оберегать (оберегати) и они здѣлали съ вами вмѣстѣ по тому жъ, какъ на Волгѣ чинили и воровали, въ копорой день къ (въ) Перьми (и) къ Черт

дыни приходили Вогуличи Сентября въ т день, а въ попь же день опь тебя (васъ) изъ остроговъ (изъ острожковъ Ермакъ съ поварищи пошли воевать Вогуличи, (и Остяковъ и Татаръ), а Перми ни чемъ не пособили, и то все сталося вашимъ воровствомъ и измѣною, а только бы вы намъ служили, и выбъ тѣхъ козаковъ въ тѣ поры въ войну не посылали, а послали ихъ и своихъ людей изъ своихъ остроговъ нашія земли Пермскія оберегать. И мы послали въ Пермь Воина Оничкова, а (и) велѣли тѣхъ казаковъ Ермака съ поварищи взявъ опвеспи въ Пермь и въ Усолъе въ Камское, и шупо (тутъ) имъ споятъ (стояти) велѣли раздѣляся, и изъ тѣхъ мѣстъ на Пелымскаго Князя зимою на нартахъ ходить воевати велѣли есмь тѣмъ всѣмъ казакамъ, и Пермичамъ и Вятчанамъ, съ своими Посланники съ Воиномъ съ Оничковымъ да съ Иваномъ съ Глуховымъ, чтобъ впередъ воинскіе люди Пелымцы, и Отяки и Вогуличи съ Сибирскими людьми на наши земли войною не пришли, и наша земля не извоевали; а велѣли есмь тѣмъ казакамъ быти въ Пермь до весны, и на Отяки

и на Вогуличи ходити съ Воиномъ воевать и ихъ въ нашу волю приводить по нашему указу. А выбъ обсылася въ Чердынь съ Васильемъ съ Пелепелицинымъ и съ Воиномъ съ Оничковымъ посылали отъ себя воевать Вогуличь и Отяковъ, а одноличнобъ естя по сей нашей грамотѣ казаковъ всѣхъ только къ вамъ изъ войны пришли, послали ихъ въ Чердынь поспчасъ и у себя ихъ не держали; а будетъ для приходу вамъ въ оспрогъ быти нельзя и выбъ у себя оставили не многихъ людей человѣкъ до ста съ копорымъ ашаманомъ, а достальныхъ всѣхъ выслали въ Чердынь однолично поспчасъ (а однолично бы вамъ у себя казаковъ не держати, а буде вамъ для приходу въ оспрогѣхъ быти нельзя и вы бы у себя оставили не многихъ людей съ которымъ ашаманомъ человѣкъ до ста, а достальныхъ всѣхъ выслать въ Чердынь однолично тотчасъ). А не вышлепе изъ оспроговъ своихъ въ Пермь Волжскихъ казаковъ ашамана, Ермака Тимофѣева съ товарищи, а учнепе ихъ держати у себя, и Пермскихъ мѣспъ не учнепе оберегати, и такою вашею измѣною чпо надъ Пермскими мѣспы учинится отъ Вогуличь и отъ Пе-

лымцовъ и опть Сибирскаго Салтана людей впередъ (*и впередѣ*), и намъ въ помя на васъ опала своя положитъ большая. А атамановъ и казаковъ, которые слушали васъ и вамъ ~~дали~~ *дали*, а нашу землю выдали, велимъ перевѣшати, а выбъ пѣхъ казаковъ однолично оппустили опть себя въ Пермь, и нашимъ дѣломъ надъ Целымцы, и на Вогуличи и на Вотяки промышляли по нашему указу ссылаяся о томъ съ Васильемъ Пелепицынымъ и съ Вономъ Оничковымъ, чтобъ далъ Богъ ихъ извоевать, и въ нашу волю привести, а Пермской земли и вашихъ остроговъ уберечи. Писанъ на Москвѣ лѣта 7091 Ноября 16 дня.»

Удивительно, что Миллеръ, имѣя у себя въ рукахъ столь важный Исторической документъ, какова грамота, основался во времени оппавленія козаковъ Строгановыми въ Сибирь на недостоной вѣроятія Тобольской лѣтописи, и показалъ ранѣ означеннаго въ нашей Лѣтописи двумя годами, двумя мѣсяцами и осьмнадцатью днями; а посему и послѣдующія произшествія несогласны ни съ сею грамотою, ни съ Лѣтописью, и вѣроятно, съ самою истиною.

(6) Миллеръ и Фишеръ, до прихода Ермака съ поварищи на успѣ рѣки Тавды, помѣспили многія произшесствія, заимспвованныя первымъ изъ Тобольской лѣпописи; но которыя по собственному его признанію (Истор. Сибир. гл. II, § 55) не содержатся ни въ какомъ другомъ лѣпописцѣ. Не утвержда и не опвергая достовѣрности оныхъ произшесствій, кромѣ тѣхъ, коихъ баснословный вымыселъ съ перваго взгляда опкрывается, замѣспимъ: 1) что по нашей Лѣпописи Татаринъ Таузакъ, у Миллера названъ *Таузаномъ*, и при томъ не сказано имъ, чтобы онъ опсправленъ былъ опъ Ермака къ Кучуму, а вмѣспсто того приведенъ другой Татаринъ *Кутугай*, съ которымъ будпо бы посланы были даже дары опъ перваго къ послѣднему; но сего также нѣсптъ ни въ нашей Лѣпописи, ни въ другихъ, по словамъ самаго Миллера; 2) что Ермакъ во вторичный походъ опъ Спирогановыхъ опсправился съ 3,000 человекъ; на сдѣланномъ же имъ весною въ 1580 году спотрѣ было уже сполько 1636 человекъ, а послѣ бою съ Татарами на Турѣ весною 1581 года, осталось не больше 1060 человекъ; послѣднее число людей довольно близко съ тѣмъ, какое показано и въ нашей Лѣпописи,

при отправленіи Ермака отъ Спрогановыхъ.

Повѣствованіе Таузака предъ Кучумомъ, отличаясь совершенною простотою, показываетъ, что соопечественники его не были еще знакомы съ губительнымъ огнестрѣльнымъ оружіемъ, извѣстнымъ въ Европѣ прежде того за 20 лѣтъ. «Такови бо суть Русїи воины сильнїи, говоритъ онъ Кучуму, егда стрѣляютъ изъ луковъ своихъ, тогда огонь пашеть и дымъ великъ изходитъ и громко толкнеть, аки громъ на небеси, а стрѣль изходящихъ отъ нихъ не видѣши.» Сїе приводитъ на мысль жипелей Новаго Свѣта, которые подобнымъ удивленіемъ поражены были, увидя Испанцевъ и огнестрѣльное ихъ оружіе.

(7) Въ другихъ извѣстіяхъ Царь *Иванъ* называется *Онъ* и *Онсомъ*. Разысканіемъ о немъ и прочихъ упоминаемыхъ здѣсь владѣтеляхъ, Миллеръ и Лербергъ наполняютъ нѣсколько страницъ. Миллеръ полагаетъ, что Онъ жилъ во время Чингисъ - Хана, а Лербергъ, что во второй половинѣ XIV вѣка, и былъ тотъ самый, о которомъ Абулгази говоритъ подъ именемъ Онди, и который

произходитъ отъ Шейбани Хана , сына Тушїева и внука Чингисъ-Ханова. Шоббдигель же Она , по мнѣнію перваго (Истор. Сибир. гл. I, стр. 34 и слѣд.) былъ славный Чингисъ-Ханъ , а по мнѣнію вѣдѣлаго (Ислѣд. стр. 62) нѣкто Едигей изъ Нагайскаго племени ; но оба мнѣнія не доказаны , и припомъ Миллерово не лзя согласить ни съ временемъ , ни съ преданїями.

(8) Сраженїе Ермака съ сыномъ Кучума Мамепкуломъ , по Исторїи Миллера (гл. II, § 58) и Фишера (кн. I, отд. I, стр. 125) происходило 1581 года въ Іюль мѣсяцѣ.

(9) Нашествїе козаковъ на Карачинъ улусъ случилось по Исторїи Миллера (гл. II, § 61) и Фишера (кн. I, отд. I, стр. 125) почти въ то же время , когда и сраженїе съ Мамепкуломъ , именно : 1581 года въ Августѣ. Миллеръ , при извѣстїи о взятїи улуса Карачи , говоритъ , о обратномъ походѣ Ермака изъ Сибири , о предсказанїяхъ сдѣланныхъ Ермаку отъ шамана и о сорокодневномъ поспѣ , наложенномъ Ермакомъ по особенному обѣшу на козаковъ. Всѣ сїи обстоятельство не помѣщены въ нашей Лѣтописи и не имѣютъ Исторической достоверности.

(10) Вступленіе въ городокъ Ашика мурзы описано у Миллера (гл. II, § 78 и слѣд.) и у Фишера (кн. I, отд. I, стр. 126) 1581 года въ Сентябрѣ. Но оба сіи Историка опустили здѣсь многія подробности лѣтописей, важныя и любопытныя для насъ Русскихъ, и которыя столь искусно и столь проницательно умѣетъ изображать опечечественное перо нашего знаменитаго Исторіографа.

(11) Сей походъ по Исторіи Сибирской Миллера (гл. III, § 33) предпринятъ былъ Ермакомъ для продолженія военныхъ дѣйствій, благополучно начатыхъ *Брязгою*, въ который отправился Ермакъ въ началѣ весны 7191 (1583 года), а возвратился изъ него 20 числа Іюня того же года.

(12) Отправленіе первыхъ воеводъ въ Сибирь и съ ними 500 человекъ, послѣдовало Маія 10 дня 7091 (1583). Въ городъ Сибирь прибыли они Ноября 2 дня 7092 (1584) года.

(13) Миллеръ и Фишеръ, слѣдуя Тобольской лѣтописи, говорятъ (Милл. Истор. Сибир. гл. III, § 64; Фиш. кн. I, отд. 11, стр. 160), что Ермакъ, убѣгая отъ напавшихъ на него

Татаръ , ушонуль ; но такое событіе несообразно съ великими качествами и геройскими подвигамм Ермака. Вѣроятноѣ всего , какъ наша Лѣтопись и другія свидѣтельства утверждаютъ , что Ермакъ кончилъ жизнь со славою на мѣстѣ битвы , и можетъ быть поверженъ въ воду Татарами уже по смерти его. Ермакъ скончалъ жизнь свою , по единоголосному свидѣтельству всѣхъ Сибирскихъ лѣтописцевъ , въ ноци съ 5 на 6 число Августа 7092 (1584) года. Тобольская лѣтопись , при повѣствованіи о смерти Ермака , выхваляетъ какъ душевныя качества его , такъ и самый наружный видъ. По словамъ оной , Ермакъ былъ средняго роста , крѣпокъ членами и широкъ въ плечахъ. Лице имѣлъ плоское и пригожее , бороду черную , волосы также черные и нѣсколько кудреватые.

(14) Исправленіе въ Сибирь Данилы Чулкова , въ нашей Лѣтописи показано при Царѣ Иванѣ Васильевичѣ , во всѣхъ же другихъ извѣстіяхъ въ 7094 (1586) : слѣдственно при Царѣ Θεодорѣ Ивановичѣ , котораго царствованіе началось съ 1584 года ; а посему оное и здѣсь такимъ образомъ исправлено.

(15) Миллеръ описаль сіе произшествіе несходно съ нашею Лѣтописью. Онъ говоришь (Истор. Сибир. гл. IV, § 12 и 15), что въ лѣтнее время 7096 (1588) года, Сейдякъ, съ султаномъ казачьей орды, съ мурзою Карачею и 500 Татаръ, забавляясь яспребиною охотою, подѣхали споль близко къ городу Тобольску, что писменный Голова Чулковъ, подозрѣвая въ шоль смѣломъ поступкѣ ихъ худый умысель, рѣшился самъ разспавишь для нихъ сѣпи. На сей конецъ послаль онъ зашь ихъ къ себѣ на обѣдъ и для мирныхъ переговоровъ; но съ шѣмъ, дабы взяли они съ собою въ городъ людей своихъ не болѣе ста человекъ, а прочихъ оставили за городскими ворапами.— Татарскіе князья согласились на предложеніе Чулкова, и онъ принялъ ихъ съ приличнымъ сану ихъ уваженіемъ, не подавъ ни малѣйшей причины къ сомнѣнію. Во время же спола спарался ихъ угощашъ и поишь виномъ, наблюдая между шѣмъ прилѣжно за всѣми ихъ поступками. Примѣпивъ въ Сейдякѣ нѣкошорую задумчивость, онъ сдѣлаль ему за шо укоризну, и въ доказательство искренней дружбы спребоваль, чтобы всякой изъ гостей выпиль по большой чашѣ вина. Предложеніе Чулкова

не было однако же исполнено. Сейдякъ и всѣ участвовавшіе въ пиру опшговаривались опъ вина запрещеніемъ Магомешанскаго закона. Сіе было принято Чулковымъ знакомъ худаго умысла ихъ и подало случай къ опкрытію истиннаго своего намѣренія. Топчасъ , по данному опъ него знаку, вспутили вооруженные воины и схвапая Сейдяка и другихъ начальниковъ Тапарскихъ перевязали, а прочихъ бывшихъ съ ними въ городѣ побили. Не было нужды вспупать въ сраженіе съ 400 Тапаръ, споявшихъ внѣ города : ибо они , какъ скоро узнали о происшедшемъ съ ихъ начальниками и шоварищами , то всѣ обратились въ бѣгство. Хотя Миллеръ не означаетъ опкуда именно почерпнулъ онъ таковое сказаніе; но можно догадываться, что оно заимствовано изъ одного изшочника съ другими подобными, то еспь, изъ Тобольской лѣшписи.

(16) Какъ въ Лѣшписи нашей упоминается изъ Царей полько объ Иванѣ Васильевичѣ и Теодорѣ Ивановичѣ , а изъ городовъ , собственно Сибирскихъ , о Тобольскѣ и Верхотурьѣ , то кажется , со всею вѣроятностію сочиненіе оной можно опнести къ концу XVI или началу XVII вѣка. Ибо построение

города Верхотурья началось и частію совершено Воеводою Васильемъ Пепровичемъ Головинымъ и Головою Иваномъ Васильевичемъ Воейковымъ въ 7106 (1598) году, достопамятномъ въ отечественной нашей Исторіи кончиною Царя Θεодора Ивановича и вступленіемъ на престоль Бориса Θεодоровича Годунова. Судя по слогу и почерку Лѣтописи, должно заключить, что она и писана около сего же времени. Въ ней, кромѣ того, что несоблюдено правописаніе и изъ знаковъ поставлены однѣ точки, самыя слова иногда написаны сокращенно подъ шишлами, а чаще всего одна и двѣ окончательныя или среднія буквы изображены наверху строки, нѣкоторыми особенными знаками. По сей-то причинѣ нѣтъ никакой возможности обыкновеннымъ способомъ печатанія сохранить всю точность подлинника. Но если бы древность болѣе отдаленная, нежели какую имѣетъ наша Лѣтопись, или другія уваженія, непременно потребовали сей точности, то достигнуть оной можно было бы развѣ только посредствомъ литографіи. Изданіе же ее, по желанію нѣкоторыхъ, безъ соблюденія правописанія, безъ знаковъ препинанія, или съ точками,

поставленными по произволу несвѣдущаго писца, но съ необходимымъ исправленіемъ самаго важнѣйшаго, то есть, сокращенныхъ буквъ и словъ, не принеся никакой существенной пользы, сдѣлало бы сію Лѣтопись для многихъ темною и невразумительною и не достигло бы предположенной цѣли. — Впрочемъ, выправя правописаніе Сибирской Лѣтописи и разставляя для удобнаго чтенія и ясности, гдѣ слѣдуетъ знаки препинанія, я напечаталъ ее съ самою строгою точностію, въ чемъ можешь всякаго удостовѣрись находящаяся у меня подлинная рукопись.

Г. Спасскій.

Письмо Е. П. Г^{на} Тайнаго Совѣтника и Кавалера Алексѣя Николаевича Оленина къ Издателю Лѣтописи Сибирской.

Я съ большимъ удовольствіемъ и благодарностію получилъ экземпляръ Сибирской Лѣтописи, которымъ вы меня на сихъ дняхъ почтили. Я давно желалъ видѣть сію вамъ принадлежащую рукопись XVII вѣка, изданною въ печать — и наконецъ достохвальнымъ попеченіемъ Г. Государственнаго Канцлера Графа Н. П. Румянцова, о разпространеніи всего, что можетъ служить къ вѣрнѣйшимъ Историческимъ свѣденіямъ о Россіи и вашими трудами — желаніе мое исполнилось. Но сколько я былъ обрадованъ симъ новымъ появленіемъ любопытнаго и полезнаго сочиненія въ кругу старинной нашей опечесивенной Словесности, сколько опечалился, увидѣвъ въ заглавіи оной въ гравированной картинкѣ, мнимый портретъ Ермака Тимоѣевича. Я весьма сожалею, Милоспивый Государь мой, о шѣхъ жишеляхъ Сибири, кошо-

рые, какъ вы мнѣ сказывали и понынѣ увѣрены, что сіе лице должно будшо изображашь того великаго въ своемъ родѣ мужа, кошорый изпоргнулъ у Татаръ богатый Сибирскій край; — тогда какъ оно дѣйствительно предшавляешь какого-то неизвѣснаго западной Европы рыцаря XV или начала XVI вѣка. Вошъ шому явныя доказательсшва *);

*) Въ Сибири я видѣлъ два живописныхъ портреша Ермака: на одномъ предшавляешся онъ съ лицомъ суровымъ, съ кудрявыми волосами и бородою, вооруженный пикою и мечемъ съ рукояшккою, изображающею пшичью голову; на другомъ безъ всякаго оружія, съ видомъ благообразнымъ и съ длинною бородою. Одежда его на шомъ и другомъ портрешѣ одинакая; она шакая же какъ и на приобщенномъ мною къ Сибирскому Вѣспнику и Лѣпописи Сибирской гравированномъ портрешѣ Ермака. Хотя первый изъ нихъ встрѣчаешся гораздо чаще послѣднаго; однако же, какъ доказаль почтеннѣйшій Сочинишель сего письма, не болѣе имѣешь сходсшва съ своимъ подлинникомъ. Описанный же въ семъ писъмѣ новый портрешъ Ермака, опли-

Шапка на семь рыцарѣ, копорую въ Сибири принимающъ за мепаллическую или за особый шлемъ, Ермаку принадлежавшій, есть не что иное, какъ бархатная или суконная шапка, называемая *шаперонъ* (*chaperon*), копорую въ XV и XVI вѣкахъ носили почти во всей Европѣ, кромѣ Россіи. Повязка, выказываю-

чаясь изяществомъ работы, представляешь знаменистаго завоевателя Сибири во весь ростъ, и въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ по Лѣтописи Ремезовской и по другимъ Историческимъ доводамъ онъ бытъ долженъ. Слѣдственно сей портретъ можетъ служить образцемъ для рѣзца и кисти художника и болѣе достойнымъ уваженія предметомъ для чашиселей памяти сего незабвеннаго мужа, нежели всѣ извѣстные прежніе его портреты, вымышленные усердными но несвѣдущими его почишателями. Пріятнѣйшимъ долгомъ посшавляю засвидѣтельствовать истинную благодарность мою Е. П. Алексѣю Николаевичу, ревностному покровителю дарованій и способствователю ученыхъ трудовъ, за сей неоцѣненный для меня подарокъ. Г. С.

щаяся изъ подъ сей шапки, напоминаетъ того же времени другой Европейской головной уборъ, который надѣвали вмѣстѣ съ шаперономъ, а именно: *барету* (*barrette*), по чпо нынѣ у насъ скуфьею называется. Въ концѣ XV вѣка во всей Европѣ, особенно военные люди, начали опрашивать бороду и въ то же время появились брызжи, или стоячія, а иногда и отложные ворошники у рубашекъ: *колле* или *фрезъ* называвшіеся, (*collet ou fraise*); которыхъ наши предки, особливо же наши козаки никогда не носили; а по тому сей уборъ вовсе Ермаку, (Василью Тимоѣевичу) неприличенъ, равно какъ и лапы, представленные на семь мнимомъ его портретѣ. — Сего рода доспѣхи во времена покорителя Сибири не были употребляемы Русскими воинами, которые тогда вообще цѣльныхъ лапъ не носили. Брони наши были или желѣзные кольчужные, какъ по: *пансыри*; или изъ желѣзныхъ же пластинокъ, скрѣпленныхъ кольцами, какъ по: *доцатья брони*: или изъ такихъ же пластинокъ, прискрѣпленныхъ заклепками къ кожѣ и барха-

ту какъ то: *кулки*; или изъ четвероугольныхъ чешуй какъ то: *бахтерцы*; или же изъ большихъ разнообразныхъ плащинъ также къ кожѣ и бархашу прикрѣпленныхъ, какъ то: *зерсалы*. Вотъ Русская рашная сбруя того времени; а не цѣльныя съ головы до ногъ лапы, во время Ермака употребляемыя: Нѣмцами, Французами, Англичанами и другими народами Европы, кромѣ Русскихъ и Поляковъ, кошорые въ своемъ вооруженіи болѣе Азіатцамъ, нежели Европейцамъ подражали. Наконецъ самая медаль, повѣшенная на груди сего неизвѣстнаго лашника, принимаемая, можетъ быть за Царскую гривну или знакъ почести тогдашняго времени, кошорымъ Ермакъ никогда не былъ удостоенъ, также доказываетъ подложность сего портрета.

Впрочемъ мнѣ кажется, что прежде завоеванія Сибири, вѣрно не приходило на умъ козацкому того вѣка Ашаману заставлятъ съ себя писать портреты, когда сіе искусство весьма мало еще извѣстно было въ Россіи; во время же завоеванія имъ обширнаго Сибирскаго края, продолжавшагося около трехлѣтъ

въ непрерывныхъ трудахъ и опасностяхъ не было, кажется, ему удобнаго времени заботиться о своихъ портретахъ, да вѣроятно и не было кому ихъ писать; а потому я полагаю, что въ изображеніяхъ сего достопамятнаго мужа, оказавшаго столь великую услугу Россіи, мы должны къ крайнему сожалѣнію ограниваться предсавленіемъ его въ томъ видѣ, въ какомъ онъ могъ бытъ во всеоруженіи своемъ, не заботясь о вѣрности въ чертахъ его лица. Сіе изображение Ермака можно легко и основательно согласить при нѣкоторомъ прилѣжномъ изслѣдованіи, объ образѣ тогдашняго нашего вооруженія, что довольно извѣстно по преданіямъ и по оставшимся драгоценнымъ памятникамъ въ Московской Оружейной палатѣ. Сверхъ того мы можемъ, хотя нѣсколько руководствоваться въ томъ рисунками Ремезовской, Тобольской или Сибирской Лѣтописи, въ которой Ермакъ два раза предсавленъ во всеоруженіи своемъ. Броня его главнѣйше состояла по словамъ той Лѣтописи: „въ пансырь билимъ въ 5 колець мудростно, длиною

въ два аршина, въ плечахъ съ чешью аршинъ, на грудяхъ и межъ крылецъ, печати Царскія, златые орлы. По подолу и рукавамъ опушка мѣдная на шри вершка“ *).

Хотя рисунки сей Лѣпописи и не весьма исправны, но они съ помощію наспоющихъ того времени Русскихъ оружій **) дали мнѣ средство предсавить Ермака Тимоѣевича по крайней мѣрѣ въ томъ самомъ военномъ одѣяніи, въ какомъ онъ въ свое время, вѣроятно хаживалъ. Я старался при семъ новомъ изображеніи завоевателя Сибири, чтобы въ чертахъ его лица и въ его станѣ, сохранено было все, что объ наружномъ его видѣ сказано въ Ремезовской Лѣпописи: „бѣ бо вельми мужеспивень, и разумень, и челоуѣчень, и зрачень и всякой мудро-

*) Ремезовской Списокъ ИМПЕРАТОРСКОЙ Академіи Наукъ спаш. 93 (ЧГ) лисшъ 29, а по шарому щешу 24 (КД).

**) Малая часпица сихъ оружій сосшавляла нѣкогда мою собшвенность, а нынѣ въ даръ мною посвящена ИМПЕРАТОРСКОЙ Академіи Художешшвъ.

сти доволенъ, плосколицъ, чернъ брадою и власы, прикудрявъ, возрасль средній и плоскъ, плечистъ.“ Вошь въ какомъ видѣ я старался изобразить славнаго Ермака! Я посвящаю вамъ Милоспивый Государь мой, сей малый трудъ (малый въ отношеніи участія, которое я лично въ ономъ принималъ), въ знакъ моего къ вамъ уваженія за полезныя ваши изысканія. Вы можете, если вамъ угодно будетъ, прибавить прилагаемый при семъ гравированный на мѣди естампъ съ изображеніемъ Ермака Тимоѣевича во всеоруженіи своемъ, къ изданной вами Сибирской Лѣтописи, при семъ моемъ письмѣ, а равнымъ образомъ и къ вашему Сибирскому Вѣспнику. Примите искреннее увѣреніе въ моемъ къ вамъ почтеніи и преданности, съ каковыми чувствами я имѣю удовольствіе быть навсегда вамъ и проч.

7 Юня 1821.
